

ПОЛЫНЯ

Пятна на
Солнце

Территория современной словесности

Ю_ШУТОВА
Пятна на Солнце

«Автор»

2026

Ю_ШУТОВА

Пятна на Солнце / Ю_ШУТОВА — «Автор», 2026

Рассказы этого сборника — о людях, которые спотыкаются о странности, выглядывающие из привычного мира. О тех, кто заметил «пятна на солнце» — мелкие сбои реальности, трещинки в гладком течении бытия, через которые сочится неведомое. И мир несовершенен, и человек в нем тоже. Свет никогда не бывает стерильно чистым, а добро — безупречным. Каждая история — соседство красоты и изъяна, решительного шага и компромисса, принятия и отказа. Недостатки не отменяют достоинств, они лишь тени, без которых не разглядеть свет. «Пятна на солнце» показывают, что солнце настоящее. И другого не будет.

© Ю_ШУТОВА, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Валерия Кот. ПЯТНА НА СОЛНЦЕ	7
Ирина Бабич. НАСМЕШКА СУДЬБЫ	23
Юрий Селиванов. ГАРМОНИЯ ЖИЗНИ	26
Юлия Рубинштейн. УЛЫБКА ЗОРГЕ	32
Ольга Борисова. ВОР	36
Ольга Борисова. ЗА ПОБЕДУ!	38
Александр Крамер. ЧАШКА	40
Александр Крамер. ЛОШАДИ	44
Дмитрий Замышляев. ХОЛОДИЛЬНИК	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Нина Бойко, Геннадий Лазарев, Юрий
Аганин, Алексей Черницын, Мария
Балыкова, Марина Чернова, Анна
Трофимова, Елена Казачинская, Назар
Шохин, Мария Носова, Вячеслав Созьмин,
Владимир Лобанов, Ирина Пугина,
Дмитрий Замышляев, Ольга Борисова,
Юрий Селиванов, Ирина Бабич, Валерия
Кот, Андрей Пучков, Алексей Шелегов,
Наталья Кравцова, Анна Георгиева,
Александр Крамер, Наталья Колмогорова,
Юлия Рубинштейн, Дмитрий Бобылев,
Александра Лебедева, Ю_ШУТОВА
Пятна на Солнце**

Предисловие

Астрономы шутят: на Солнце можно посмотреть в телескоп два раза: один раз — правым глазом, другой раз — левым.

Но мы смотрим без телескопа. Бросаем короткие взгляды, шуримся, надеясь разглядеть что-то за слепящим световым экраном.

Эта книга — коллекция таких взглядов.

Мы собрали истории, где повседневное, привычное встречается с невозможным. Иногда фантастика в этих рассказах прикрывается технологией, иногда надевает маску гостей то ли с далеких звезд, то ли из щелей внемирья. А иногда она прячется в морщинках у глаз рассказчика-хитрована или в случайно оброненной фразе. Это противоречие? Возможно. Но из таких противоречий и выстраивается жизнь. Та самая, что не делится на жанры, не бьется на сегменты, хоть режь ее лазерным тесаком, хоть руби мечом-кладенцом. Пренебрежение приятелей уживается с научной смелостью, а страх одиночества — с предчувствием чуда. Рассказы этого сборника — о людях, которые спотыкаются о странности, выглядывающие из привычного мира. О тех, кто заметил «пятна на солнце» — мелкие сбои реальности, трещинки в гладком течении бытия, через которые сочится неведомое.

Фантастический допуск — не побег от реальности. Это инструмент автора — способ присмотреться к ней пристальнее. Это микроскоп или телескоп, направленный на человеческую душу. О чем бы мы, авторы, не писали — о роботах, призраках или соседях по лестнич-

ной клетке, — мы всегда пишем о себе. О нашей невыразимой жажде любви и нежности, о жажде смысла и о свете, который упрямо пробивается даже сквозь самую густую тьму.

Не бойтесь ослепнуть. Поднесите эту книгу поближе и посмотрите на светило. Возможно, вы увидите там пятна. А возможно — разглядите в них чье-то знакомое лицо.

Приятного чтения.

Юлия Карасёва, г лавный редактор альманаха «Польня»

Валерия Кот. ПЯТНА НА СОЛНЦЕ

Дверь не хотела поддаться ни с первого раза, ни с десятого: наличники разбухли от сырости, а в замке поселилась подленькая ржа, которая не давала ключу нормально зайти в скважину и до конца провернуться. Вера несколько секунд стояла перед дверью кабинета, слушая, как где-то в глубине здания капает вода, и собиралась с духом на еще одну попытку вскрытия. Папочкина медвежатница...

Она не была здесь восемь лет. В ее памяти кабинет был чуть больше, чем оказалось в реальности. Порядочное такое, качественное захламление старыми вещами тоже отжирало и без того скудное пространство. Стопки журналов наблюдений занимали два стеллажа от пола до потолка, и на каждой стопке лежал листок с годом, написанным от руки. Она узнала отцовский почерк моментально: он писал с нажимом, почти вдавливая шариковую ручку в бумагу. Казалось бы, всюду уже добралась эта злосчастная цифровизация, — ан нет, в некоторых уголках к аналоговому носителю доверия было все еще больше, чем к бесплотным копиям.

На столе в гранёном стакане ждали зарождения новой жизни остатки чая. Рядом — настольная лампа с зелёным абажуром, пепельница, заполненная лузгой от семечек примерно на треть, и стопка распечаток с магнитограммами. Поверх всего этого лежал открытый журнал.

На странице был аккуратно от руки нарисован солнечный диск с координатной сеткой. В правом верхнем квадранте стояла жирная точка с подписью: *AR 4197*. Рядом столбик цифр: магнитный поток, площадь, класс. И ниже, отдельно, другим нажимом:

Активная область 4197. Окно — завтра. Не смотри одна.

За окном лежал тихий и серый посёлок: три жилых дома, магазин, котельная, дорога в сторону трассы. Обсерватория стояла на холме, и отсюда было видно, как над крышами котельной поднимается дым.

Вера сняла куртку, повесила на спинку стула и взялась за журнал с самого начала.

Нина Георгиевна проработала в обсерватории уже тридцать один год. Она пришла сюда при отце, совсем еще молодым специалистом, и осталась после того, как большинство разъехало, финансирование срезали, а телескоп перевели в режим автоматических наблюдений. Сейчас она следила за аппаратурой, вела архив и раз в неделю отправляла данные в головной институт.

— Он был очень тихий, — сказала она, обтирая капельку чая с кончика ложечки. — Не в смысле замкнутый, а такой... знаешь, слов зря не тратил, платные они у него были, что ли... Триста раз каждое взвесит — и только тогда заговорит.

— Он много работал один?

— Всегда. Особенно последние лет десять. Закрывался в кабинете после ужина и сидел до двух, до трёх. Я иногда видела свет под дверью, когда шла домой.

Вере было немного неловко, но любопытно наблюдать, как Нина Георгиевна мечется между желанием говорить все без обиняков и суеверием, что о покойниках либо хорошо, либо никак.

— К нему приходили люди?

Нина Георгиевна призадумалась.

— Приходили. Не из института, а местные, в основном, иногда из соседних посёлков. Я не допытывалась.

— Так, и что было?

— Приходили да уходили. — Она поставила стакан на стол. — Иногда я потом слышала, что кто-то поменял планы. Не поехал куда собирался. Или, наоборот, уехал раньше срока.

Один раз мужчина из посёлка не вышел на ночную смену, а ночью на производстве авария приключилась, двое пострадали.

— И все решили, что отец его спас?

— Ну не то чтобы... говорили, что он что-то особое чувствовал, — Нина Георгиевна замялась. — Умел смотреть.

— Да, — вздохнула Вера. — Умел...

Она не стала объяснять, что именно имеет в виду.

Журналы наблюдений за последние двадцать лет Вера разложила на полу кабинета в хронологическом порядке. Это заняло два часа. Потом она начала читать.

Первые страницы каждого журнала были стандартными: дата, время, инструмент, условия наблюдения, координаты активных областей, магнитный класс, площадь в миллионных долях солнечного полушария. Отец вёл записи аккуратно, без помарок, иногда вклеивал распечатки магнитограмм. Проще говоря, обычная научная документация.

Имена начались в журнале за 2009 год.

На первый взгляд казалось, что это просто пометки: кому звонил, с кем говорил. Но при ближайшем рассмотрении они скорее выглядели как протокол.

Сергей К. — 14.03. Подтверждение 0.74. Поговорил. Не пускать на смену 16-го.

Людмила В. — 02.07. Подтверждение 0.81. Интервенция успешна.

Антон Р. — 19.11. Ошибка?

Она выписала имена в блокнот. Их только за первый год было уже около двух десятков, потом больше, потом меньше, потом снова больше. Вера сверила даты: количество имён возрастало только в периоды, которые в официальной части журнала были отмечены как активные окна наблюдения. «Совпадение? Не думаю...»

Рядом с именами стояли короткие пометки, и она начала их классифицировать. «Поговорил» — самая частая. «Не пускать» — уже реже, но тоже регулярно. «Предупредил третье лицо» — несколько раз. И «Интервенция успешна». Это звучало как отчёт, как галочка в ведомости. «Ошибка» всегда шла со знаком вопроса. И один раз, в журнале за 2014 год, встретилось простое и незамысловатое «Поздно».

Поздно. Без имени, без даты события, только день наблюдения и это слово, написанное крупнее обычного, с особо остервенелым нажимом.

Вера перевернула страницу. Следующая запись была через три недели и выглядела уже совершенно обычно: координаты, магнитный поток, площадь пятна. Как ни в чём не бывало. Она вернулась к списку имён и начала сверять их с тем, что помнила сама, и с тем, что можно было найти в местной газете — подшивки за последние пятнадцать лет лежали в архивной комнате, Нина Георгиевна сказала, что отец их собирал.

Большинство имён ни о чём ей не говорили, но одно она узнала сразу. «Галина Т.»

Галина «Т.» Тихомирова жила через два дома от них, когда Вера была маленькой, у неё была дочка примерно Вериного возраста, они часто играли вместе и, в принципе, дружили. Но в какое-то очередное лето Галина с дочкой перестали появляться, а на все вопросы Веры мать отвечала коротко: уехали.

В журнале рядом с её именем стояло: *Подтверждение 0.68. Не допустить отъезда. Письмо.*

И ниже, через две недели: *Результат неопределённый. Осталась.*

Сергей Коновалов жил в посёлке до сих пор. Вера нашла его через Нину Георгиевну, которая знала всех и всегда — и не задавала лишних вопросов.

Коновалов оказался крупным мужчиной по возрасту ближе к шестидесяти, с тяжёлыми руками и немигающим взглядом, направленным в пустоту мимо лица собеседника. Интересно: это со всеми так или только с Верой? На время диалога он даже не отвлекся от колки дров.

— Помню вашего отца, — проговорил он. — Хороший был человек.

— Он с вами разговаривал в марте две тысячи девятого.

Коновалов наконец опустил колун. Видимо, мысленно начал отматывать календарь.

— Однако же... Разговаривал.

— О чём?

Он поднял полено, поставил на чурбак, расколол.

— Ну... сказал, чтобы я не ехал на смену, дескать, у него там нехорошее предчувствие. Я посмеялся, конечно. Мне бы такой прогул рублей в пятьсот встал, по тем временам на эти деньги еще можно было купить еды на всю неделю. Так и говорю, типа, мне так-то неделя пропитания дороже непонятных предчувствий. А он прямо заладил: не езд, говорит, не могу объяснить, но прошу. Допросился.

— И вы не поехали?

— Не поехал. Поругался с бригадиром, получил выговор. А ночью на насосной станции как рванёт!.. Двое в больнице, один потом долго не работал, — он помолчал. — Я отца потом вашего много спрашивал, как он это делает. Он говорит, типа, наблюдает. Я не стал дальше спрашивать.

— Вы ему верили?

— После того случая — да. — Коновалов посмотрел наконец прямо на неё, а не сквозь. — А что, не надо было?

Вера поблагодарила его и ушла.

«Подтверждение 0.74. Интервенция успешна»

Коновалов был живой и здоровый, стоял перед ней и колол дрова. Реальный человек с реальной историей, которому отец, возможно, действительно спас жизнь.

«Подтверждение 0.74» означало, наверное, что вероятность была семьдесят четыре процента. Отец решил, что этого достаточно, чтобы вмешаться в чужие планы, и в этом конкретном случае он оказался прав. Но вероятность в семьдесят четыре процента означала также, что в двадцати шести случаях из ста он ошибался.

Галину Тихомирову пришлось ещё поискать. Сначала Вера попробовала действовать через местную администрацию. Там сказали, что данные о выбывших жителях за тот период в электронном виде не сохранились, можно запросить бумажный архив, но это займёт время. Времени лишнего, конечно же, не заваялось. Потом Вера поговорила с несколькими пожилыми женщинами в магазине, те помнили Галину крайне смутно и все расходились в показаниях: одна сказала, что Тихомирова уехала к родственникам, другая поведала, что муж у неё был, если передавать в сильно смягченных формулировках, нехороший человек, а третья вдруг замолчала на полуслове и принялась увлечённо разглядывать консервные банки.

Отгадка нашлась в подшивке местной газеты за 2011 год в виде небольшой заметки на третьей полосе: женщина из посёлка госпитализирована после бытового конфликта. Имя не называлось, но адрес совпадал. Больше о Галине Тихомировой в газете не было ничего.

Запись отцовского журнала за июнь 2009 года гласила: *Галина Т. Подтверждение 0.68. Опасный сценарий: отъезд с ребёнком, конфликт, возможные последствия для третьих лиц. Не допустить отъезда. Письмо в жилконтору — вопрос о задолженности по квартплате. Результат: осталась.*

Вера перечитала это три раза, пока не начало доходить. Отец увидел в данных опасный сценарий и решил, что она, Тихомирова, представляет угрозу. Написал в жилконтору (анонимно, надо полагать) и поднял вопрос о задолженности. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы задержать на время бумажной волокиты беженку с вещами и ребёнком, и тем более достаточно, чтобы муж успел вернуться домой раньше, чем она добралась до автобуса.

Только вот Галина Тихомирова не собиралась причинять вред третьим лицам, и *конфликт* в данных отца был обычным бытовым конфликтом, из которого Тихомирова отчаянно пыталась выбраться.

Рядом с записью, на полях, позже — другими чернилами, а значит, другим днём — было приписано мелко: *Ошибка классификации? Проверить после следующего цикла*. Цикл этот наступил через два месяца. В журнале за август 2009 года имени Галины Тихомировой не было. Уже дальше она зацепилась за запись за ноябрь того же года, где значились другое имя и история и уже другая пометка: *Интервенция успешна*. Отец продолжал работать. Он приписал к записи о Галине вопросительный знак и пошёл дальше.

Отец собирался вернуться к этому случаю и посмотреть, что произошло, чтобы потом скорректировать алгоритм, но для Галины Тихомировой следующего цикла уже не было. Для неё был только 2011 год и заметка на третьей полосе местной газеты.

Мать жила в областном центре, в двух часах езды. Вера позвонила ей вечером.

— Ну что, нашла что-нибудь? — спросила мать сразу, без предисловий.

— Нашла. Мама, ты знала про Галину Тихомирову?

— Что именно ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что папа написал анонимку в жилконтору и не дал ей уехать. Ты знала об этом?

— Вера, тут всё не так однозначно...

— Попробуй объяснить, я у тебя вроде не глупого десятка.

Мать на время замолкла, и Вера слышала, как она переходит из комнаты в комнату — и очень громко, старательно обдумывает ответ.

— Он видел в данных, что она уедет и что-то случится, пытался предотвратить. Не зная, впрочем, что именно...

— И предотвратил её побег от мужа-урода.

— Так он не знал наверняка, пойми.

— Но он же мог предположить! Мам, там был муж-тиран, какая-то явно не существующая задолженность, и женщина, которая собирала вещи для побега. Это загадка, с которой справится даже первоклассник, тебе не кажется?!

— Твой отец работал с данными, а не с домыслами. Он видел опасный сценарий, Вер, возможный вред, и действовал так, как считал правильным.

— И посчитал, видимо, правильным, чтобы она осталась и потом попала в больницу от руки муженька?

Долгое молчание.

— Я знаю, — сказала мать наконец. — И он тоже знал, его это потом очень мучило.

— Но он продолжал!

— Да, потому что в других случаях он обычно оказывался прав, Вер. Есть случаи, когда цена ошибки куда меньше цены бездействия! — Пауза. — Это неправильно, я понимаю, ты понимаешь, он тоже понимал, но в таких случаях правильно вообще не бывает!

Вера прислонилась лбом к холодному стеклу. Бывает, мам, ещё как... Правильнее всего не играть в бога.

— Мам... А он смотрел на меня?

Тишина в трубке продлилась достаточно, чтобы стать ответом.

— Ма-а-ам...

— Да, — сказала мать. — Смотрел.

— С какого возраста?

— Вера...

— Не доводи, блин, до греха!

— С двенадцати лет. — Голос матери вдруг выровнялся, она как-то резко решила говорить без купюр, без извинений и без слёз. — Он увидел первый паттерн, когда тебе было двенадцать, испугался и после этого он стал смотреть постоянно.

— Вмешивался?

— Ну, иногда...

— Какие именно вмешательства?

— Я не знаю всего.

— Мне прямо всего и не надо, но что знаешь — говори, я должна знать.

Команда знатоков взяла дополнительную минуту на размышления, и по истечении этого времени на смену неуверенному сопению в трубке пришла, наконец, осмысленная речь:

— Поездка в лагерь, он тебе сказал, что путёвка сорвалась. Потом... поступление на факультет, он там поговорил с кем-то в приёмной комиссии. Потом... молодой человек, с которым ты встречалась на третьем курсе. Отец написал ему письмо.

Захлестнуло негодование: Вера помнила тот факультет. Она безумно хотела зачислиться именно на него, но почему-то внезапно не хватило баллов, хотя она была уверена, что набрала проходной. Парня с третьего курса помнила тоже: идиллия оборвалась как-то очень резко, они с того, ни с сего, стал очень холодным, отстраненным, а потом и вовсе исчез.

— Письмо, говоришь, написал, — пробормотала Вера.

— Отец увидел, что эти отношения приведут к плохому исходу. Для тебя.

— Он видел вероятность. Вероятность, блин!

— Вера, он хотел тебя защитить...

— Он украл у меня выбор! — Она отошла от окна. — Причем, похоже, что далеко не один раз. А я даже не знала, что выбираю, понимаешь? Думала, что это просто жизнь — что-то не получилось, что-то не сложилось, так бывает... А это было всё рукотворное, выходит?!

— После того, что он увидел, он уже не мог быть просто отцом, — мать все не переставала пытаться очистить имя вероломного злодея. — Он не умел знать и не действовать, Вер. Ты бы смогла?

— Это называется по-другому...

— Я знаю, как это называется. — В голосе матери появилось что-то твёрдое. — Я с этим тридцать лет прожила, на минуточку. Видела, как он не спит ночами, как он ошибается — и потом неделями не выходит из кабинета и казнит себя. Заметь, Вер, я не говорю, что он был прав. Просто он был живой человек, которому было очень тяжело!

— Галине Тихомировой тоже было тяжело, — вздохнула Вера, — Или мы опять играем в любимую национальную игру «кому хуже всех живётся»?

Мать не ответила.

— Я останусь здесь ещё несколько дней, — Вера разбила молчание. — Мне нужно разобраться с архивом.

— Хорошо. Будь осторожна.

— С чем именно?

— Понятия не имею. Он говорил, что метод нельзя выпускать.

— Знаю я, что он говорил, читала журналы.

Она нажала отбой и некоторое время стояла посреди кабинета, сжимая телефон в руке, и вспоминала о сорванной поездке в лагерь в четырнадцать лет. Она очень хорошо помнила своё разочарование и секундную святую убеждённость, что именно этот упущенный шанс в ее жизни — последний, второго такого уже никогда не выдастся, а вся дальнейшая успешная жизнь зарублена, фактически, на корню. У подростков любая неудача всегда так и воспринимается. Конец света, не меньше. И отец тогда был очень ласков с ней: утешал, водил гулять, покупал мороженое и казалось, что очень глубоко проникся её расстройством.

Он-то проникся. Просто причину знал лучше, чем кто бы то ни было.

Записи о Вере начинались в журнале с 2003 года. Нашлись, признаться, с трудом: отец никогда не прописывал её имя полностью, ставил только инициал *В.*, иногда фигурировала просто «*дочь*». Даты в общей сложности совпадали с тем, что вспомнила мать, и ее собственной памяти тоже, в целом, не противоречили. Картина складывалась с той неприятной точностью, что хуже любых недомолвок.

В. — Первый паттерн. Подтверждение 0.71. Наблюдать.

Потом через полгода встретилось:

В. — Повторное окно. Подтверждение 0.69. В лагерь не пускать. Поговорил с организатором. Интервенция успешна.

Потом несколько лет журналы про неё ничего интересного не фиксировали, только короткие пометки по мелочи в духе «*Паттерн слабый. Наблюдать.*» — по ним было ясно, что отец действительно не мог перестать за ней «шпионить». Потом она долисталась до периода своего поступления, запись в честь одного была подробнее обычного:

В. — Подтверждение 0.77. Факультет журналистики — высокий риск. Сценарий: публичная деятельность, доступ к информации, возможное распространение. Поговорил с Н.В. в приёмной комиссии. Интервенция успешна.

Возможное, чёрт подери, распространение! Выходит, отец беспокоился не о том, что с ней случится что-то страшное, чего они с матерью по-родительски не переживут. Ха! А вот то, что она может распространить какую-то информацию... Отец года, премию в студию!

Она перечитала запись ещё раз, чтобы убедиться, что не показалось.

С ухажёром с третьего курса тоже в журнале числилось «*возможное распространение*». Ещё бы: он изучал информационные технологии и имел связи в медиасфере, где часто говорили о том, чем занимается её отец. Отец действительно написал ему какое-то письмо, после которого парень молниеносно, как это называлось, «отморозился» и пропал с радаров. Вера ещё долго тогда ломала голову, чем могла его спугнуть, и грешным делом чуть не погрязла во всяких женских форумах, но... она не сделала ничего «не так». Просто слишком много рассказывала об отце. Гордилась им, что уж поделать...

Последняя запись о Вере была датирована тремя неделями назад — за несколько дней до его смерти:

В. — Окно AR 4197. Подтверждение 0.83. Риск распространения — максимальный. Интервенция невозможна. Не успею. Окно — через день после моей смерти. Не допустить публикации метода. Предупредить её.

Вера закрыла журнал.

Отец знал, что умирает. Он рассчитал окно наблюдения, увидел её в данных, понял, что не успеет в очередной раз вмешаться, и оставил предупреждение в журнале. «*Не смотри одна*» не было предостережением об опасности прибора, даже тут отец беспокоился совсем не за дочку: это была последняя попытка контроля. Он хотел, чтобы рядом с ней был кто-то, кто остановит её, если она решит опубликовать архив. Представить только: не доверял ей даже мёртвый...

Она подошла к стеллажу и начала искать техническую документацию.

Документация хранилась отдельно от журналов наблюдений, в металлическом ящике, закрытом на простой навесной замок. Единственной предсказуемой привычкой отца было прятать запасные ключи за стеллажами, поэтому Вера не прогадала, когда в поисках в первую очередь сунула нос именно за стеллаж, где ключ мирно висел на гвозде. Хотя какая-то стабильность в этой сумасшедшей жизни, уже приятно!

В ящике лежали три папки и внешний жёсткий диск. *Аппаратура, Алгоритм, Калибровка*. Каждая папка подписана, в отличие от жёсткого: там случилась только наклейка с датой. Первое число текущего года.

Вера открыла папку «*Аппаратура*»...

Прибор состоял из нескольких частей, каждая из которых сама по себе была обычным научным оборудованием. Солнечный телескоп с узкополосным фильтром, стандартный инструмент для наблюдения хромосферы. Такие стояли в десятках обсерваторий. В магнитографе тоже не виделось ничего необычного, он нужен был для измерения магнитных полей на поверхности Солнца. А вот в спектральном модуле начиналась территория вольного творчества: отец модифицировал его сам, добавив несколько нестандартных диапазонов, которые обычные солнечные наблюдения не использовали.

Именно этот модуль был ключевым. В периоды высокой магнитной активности, когда на солнечном диске формировалась крупная активная область со структурированным, сильным магнитным полем, модуль начинал регистрировать слабые сигналы, которые отец назвал *информационным откликом*. Он потратил несколько лет на то, чтобы понять, что именно регистрирует, и объяснение, изложенное в папке убористым мелким почерком на двадцати двух страницах, сводилось к следующему.

Солнечное пятно создавало временное окно в несколько часов, плюс-минус, в течение которого магнитное поле активной области работало как усилитель для слабых электромагнитных сигналов биологического и социального происхождения: нейронной активности, поведенческих паттернов и накопленного напряжения в социальных системах. Прибор не читал мысли и не видел будущее, а регистрировал статистические сгущения, указывающие на то, что конкретный человек, а иногда даже группа людей, находится в состоянии высокой поведенческой нестабильности с сильно повышенной вероятностью определённого типа действий.

Отец сравнивал это с сейсмографом. Сейсмограф же не вызывает землетрясение, а просто замечает накопленное напряжение в породах и позволяет оценить вероятность разрядки. Вот и его прибор делал то же самое, но с человеческим поведением. В моменты, когда солнечная активность создавала условия для такого считывания. Данные поступали на старый сервер, где алгоритм обрабатывал сигнал и выдавал результат в виде таблицы: имя или идентификация, вероятность, временной интервал, тип сценария, возможный триггер.

Алгоритм был описан в одноимённой папке — всего-то сто восемь страниц формул, схем и комментариев. Вера не была математиком, но общую логику в целом улавливала. Алгоритм обучался на исторических данных: отец годами сопоставлял показания прибора с реальными событиями и корректировал модель, делая её с каждым годом точнее... и опаснее: чем убедительнее выглядел результат, тем легче было принять вероятность за уверенность.

В папке «*Калибровка*» лежали таблицы ошибок. Ложноположительные срабатывания, ложноотрицательные, ошибки классификации типа сценария... Отец очень скрупулезно вёл запись, и средняя точность за последние пять лет составляла семьдесят восемь процентов. Это означало, что в двадцати двух случаях из ста прибор ошибался. Так ли это мало...

Вера взяла жёсткий диск и подключила к ноутбуку. На диске нашлась резервная копия всего: алгоритм в виде исполняемого кода, калибровочные данные, инструкция по настройке спектрального модуля, схемы модификации стандартного оборудования — всё, что нужно, чтобы воспроизвести прибор в любой обсерватории с базовым солнечным телескопом.

Отец сделал резервную копию за три недели до смерти. Может, боялся, что оригиналы пропадут? Или хотел, чтобы кто-то продолжил его работу? Или, может, просто делал то же, что и все, кто чувствует приближение конца: раскладывал всё по своим местам, чтобы преемнику было удобно «въехать».

На сервере в углу мигал зелёный индикатор. На боковой панели Вера нашла наклейку с паролем — отец никогда не запоминал их, и по привычке записывал. Компрометация? Нет, не слышали. Она ввела пароль и открыла интерфейс.

На экране светилась строка, которую отец, видимо, подготовил заранее:

AR 4197. Окно: 04:17 — 07:43. Массовый режим: включить?

Курсор мигал рядом с кнопкой подтверждения.

Вера услышала автомобильный шум, когда ещё сидела в кабинете с папками. Выйдя в коридор, через окно она увидела тёмный седан у ворот обсерватории. Из него вышел мужчина солидного, на вид, возраста — и в хорошем пальто. Ясно, не местный. Нина Георгиевна открыла ему ворота и провела внутрь.

Дмитрий Аркадьевич Савин. Он представился как заместитель директора института солнечной физики и старый коллега отца. Вера уже видела это имя в нескольких письмах из архива.

— Ваш отец был выдающимся учёным, — сказал он вместо приветствия. — Я говорю это не из вежливости, заметьте. То, что он сделал — это работа, которая буквально меняет представление о возможностях наблюдательной астрофизики!

— Вы знали о методе?

— Я знал, что он работает над чем-то нестандартным, но без деталей. Некоторые результаты я, впрочем, видел. — Савин поставил стакан на стол. — Он присылал мне анонимизированные данные: просто паттерны и исходы — а я проверял статистику. Выглядело очень убедительно.

— Семьдесят восемь процентов точности...

Савин посмотрел на неё внимательнее.

— Вы, вижу, уже изучили документацию.

— Я, по сути, за этим сюда и приехала. Это моя работа.

— Конечно. — Савин кивнул. — Семьдесят восемь процентов — это очень высокий показатель для поведенческого прогнозирования. Просто для сравнения: лучшие существующие модели социального риска дают от сорока до шестидесяти процентов, и это при несравнимо большем объёме входных данных.

— И при несравнимо большем количестве ложных срабатываний...

— Да. Ваш отец добился исключительной точности! — он сложил руки на столе. — Вера Андреевна, я приехал не затем, чтобы забрать архив. Я хочу поговорить о том, что нам с ним делать.

— Ну это уже мой вопрос, не ваш.

— Отчасти, ВерАндреевна, отчасти. Метод вашего отца — это не личная собственность, а научное открытие, которое имеет последствия для очень большого числа людей.

— Я лучше, чем кто угодно иной, в курсе, какие последствия оно имеет, — пробурчала Вера.

Савин помолчал.

— Он вмешивался в чужие жизни, — молвил он наконец. — Я в курсе. Не спорю, это было неправильно, один человек никогда не должен принимать подобные решения единолично. Именно поэтому метод нужно передать институту. Создать комиссию, разработать протоколы, установить контроль. Когда с таким инструментом один человек — это опасно. Но институт с прозрачными процедурами, ВерАндреевна, это совсем, совсем другое.

— Красиво звучит.

— Красиво... а должно звучать реалистично. — В его голосе появилась твёрдость, не грубая, но ощутимая. — Поймите, если мы можем поймать пятно заранее — увидеть, что человек с высокой вероятностью совершит что-то непоправимое, о чём все потом будут сильно жалеть... мы... мы не имеем права ждать крови! Это вопрос не удобства, Вера, это вопрос ответственности!

— А кто решает, что считать непоправимым?

— Комиссия. Протокол. Закон, в конце концов.

— Закон, написанный людьми, которые получают доступ к этому инструменту...

Савин посмотрел с раздражением.

— Вы боитесь злоупотреблений, — протянул он. — Это разумно. Любой инструмент можно использовать неправильно. Но отсутствие инструмента, понимаете, не защищает от злоупотреблений — оно просто означает, что злоупотребления происходят вслепую. И ваш (разумеется, уважаемый!) отец работал вслепую, без контроля. Именно поэтому он ошибался и не нёс за это ответственности. Институциональная структура умеет с этим бороться.

— Или масштабирует ошибки!

— Или предотвращает катастрофы, которые один человек предотвратить не может.

Савин был чертовски убедителен, и это было неприятно: часть его аргументов была правильной. Один человек с таким инструментом действительно был опасен, и отец это доказал. Но в остальном это была просто наичистейшая казуистика: институт с таким инструментом, очевидно, представлял куда большую опасность.

— Я подумаю, — сказала Вера.

— Долго думать не стоит. — Савин встал. — Окно наблюдения сегодня ночью. Если аппаратура не будет запущена под контролем, данные будут потеряны.

— Я знаю, когда окно.

— Тогда вы понимаете, что времени мало.

Он оставил визитку на столе и ушёл. Институт солнечной физики, заместитель директора, телефон, электронная почта. Всё официально...

Савин отбыл.

Она положила визитку в карман и вернулась в кабинет отца.

В половине первого ночи в архиве оставалась последняя тетрадь. Она была меньше по формату, в мягкой обложке, без стандартных заголовков. Явно не журнал наблюдений. Отец начал её вести примерно за год до смерти, это было что-то среднее между рабочим дневником и попыткой разобраться, что он натворил уже в плане общей морали.

Первые записи были спокойными и даже почти академическими: он анализировал собственный метод, оценивал точность алгоритма, рассуждал о необходимости институциональной структуры, всё это звучало разумно и холодно, как рецензия на чужую работу, а не на дело всей жизни. В какой-то момент тон письма начал меняться.

17 марта. Пересмотрел случай Галины Т. Ошибка классификации была очевидна уже тогда, если смотреть на полный контекст. А я не смотрел на полный контекст, я смотрел на паттерн и видел то, что ожидал увидеть. Это ошибка не алгоритма, а лично моя.

4 апреля. Интересно, с какого момента вероятность становится основанием для действия. Семьдесят процентов — достаточно? Восемьдесят? Я действовал при семидесяти, даже при шестидесяти восьми, твердя себе, что цена бездействия выше цены ошибки. Но я никогда не спрашивал тех, кто платил за мои ошибки.

29 апреля. Коновалов жив. Я не знаю, что было бы, если бы я не вмешался, а знаю только то, что уже свершилось и является измеримым фактом, но никогда не узнаю, что бы произошло в другом случае. Это фундаментальная проблема любой превентивной интервенции: невозможно проверить контрфактический сценарий. Ты можешь только постфактум верить, что был прав.

12 мая. Я верил слишком долго.

Дальше шли несколько страниц технических заметок, где он возвращался к алгоритму, пытался найти способ улучшить классификацию сценариев, отделить угрозу для других от угрозы для самого человека. Он не бросал науку даже когда сомневался в себе.

Потом снова дневниковые записи.

3 июня. В. выросла в человека, которым я совершенно не управляю. Я только думал, что управляю, а она стала собой скорее вопреки мне, чем благодаря. Это либо означает, что мои интервенции были незначительны, либо что она куда сильнее, чем я рассчитывал. Хотя я и

склоняюсь ко второму варианту, я совершенно не понимаю пока, радоваться мне этому или бояться.

17 июня. Савин хочет получить полную документацию. Обещает, что институт создаст правильную структуру, но я ему не верю. Я видел, как хорошие люди используют хорошие инструменты, а получают очень плохой итог. Я и сам был таким хорошим человеком.

2 июля. Если метод попадёт в институциональные руки, первым, что произойдёт, будет стандартизация. Протокол, комиссия, критерии... критерии начнут расширяться, потому что всегда найдётся случай, который вдруг кажется достаточно серьёзным, чтобы сделать ради него исключение. Это происходит всегда постепенно и каждый раз кажется оправданным. В том и ловушка.

14 августа. Окно AR 4197 будет в конце сентября или начале октября. Я, вероятно, до него не доживу. Врачи говорят иначе, но я чувствую именно так. В. найдёт архив. Она умная и упрямая, и она будет расследовать, я в ней сам это воспитал. Я хочу её предупредить... Но я не знаю, от чего именно.

1 сентября. Это будет последняя запись в этой тетради. Для протокола: я принял решение не уничтожать архив. Это было бы нечестно по отношению к тем, кому я причинил вред. Они заслуживают того, чтобы правда существовала, даже если никто её не увидит. Но методику воспроизведения уничтожить я не успею. Надеюсь, что В. поймёт сама.

За окном было темно и тихо. Четыре часа утра. Окно наблюдения начиналось в четыре семнадцать. Вера посмотрела на сервер в углу...

Отец не был святым, но не был и чудовищем. Просто получил инструмент, который выглядел как способ спасать людей, и постепенно перестал замечать, где заканчивается спасение и начинается контроль. Кому-то для этого и оборудования не надо, голыми руками творят вещи и похуже. Только это, конечно же, никого не оправдывало.

В четверть пятого аппаратура в углу тихо щёлкнула и начала разогреваться.

Отец не любил лишнего, поэтому интерфейс был прост и минималистичен. Несколько окон: данные с телескопа, магнитограмма в реальном времени, окно алгоритма, таблица результатов. В правом нижнем углу мигала строка: *AR 4197 активна. Окно подтверждено. Ожидание запроса.*

Вера ввела первым запросом своё имя.

По истечении примерно сорока секунд алгоритм выдал таблицу.

Идентификатор: В.А. Вероятность: 0.83. Интервал: 48 часов. Тип сценария: распространение информации. Триггер: наличие полной документации. Возможные последствия: воспроизведение метода третьими лицами, институциональное применение, массовое превентивное использование.

Восемьдесят три процента... Отец видел это три недели назад и написал в журнале: *«Интервенция невозможна».*

Она остановилась перед кнопкой «Массовый режим». В массовом режиме прибор не работал не с конкретным человеком, а сканировал широкий диапазон и выдавал агрегированные данные: социальные паттерны, групповые сценарии, вероятностные цепочки... как раз то, о чём говорил Савин: возможность видеть не одного человека, а систему.

Она нажала кнопку.

Алгоритм работал уже значительно дольше — почти три минуты. Потом экран убористо заполнился данными. Он моделировал цепочку событий после передачи метода в государственную структуру. Не какую-то конкретную, а просто максимально статистически вероятную институциональную среду. На первый год прогнозировалась разработка протокола, создание

комиссии, ограниченное применение в случаях высокого риска. На второй год — расширение критериев и первые случаи превентивного задержания на основании прогноза. На третий — интеграция с существующими базами данных, автоматизация части решений, снижение порога вероятности для интервенции с восьмидесяти до шестидесяти пяти процентов. Пятый год сулил уже целый рынок страховых рейтингов на основе прогностических данных, отказы в трудоустройстве, ограничения на выезд...

Фантастика, скажете вы, но нет. Это была лишь экстраполяция того, что уже и так существовало в других областях. Метод отца давал этим системам новый источник данных. Более точный и убедительный, и значительно труднее оспариваемый.

Второй блок аналитики покрывал область частного применения. Корпорации, получившие доступ к методу через утечку или лицензирование. Проверка сотрудников, проверка партнёров. Рынок *очищения* прогностической репутации с платными услугами по снижению персонального рейтинга риска. Вера, однажды уже проходившая «Кредитного доктора», невольно обронила смешок.

Судьба судебной системы занимала третий блок данных. Прогнозы метода как доказательство в суде. Доказательство не самого преступления, а вероятности его совершения. Превентивные меры, превентивное лечение, превентивная изоляция. Адвокаты, оспаривающие алгоритм, но не имеющие доступа к его исходному коду, потому что это коммерческая тайна или государственный секрет.

Блок про детей... прогностические метки, присваиваемые в раннем возрасте. Школьные программы коррекции для детей с высоким рейтингом риска. Родители, требующие проверки своих детей. Сразу в противовес им шли родители, скрывающие результаты проверки своих детей. Страховые компании, отказывающие в полисах на основании детских прогностических данных...

Вера медленно прокручивала таблицы. Алгоритм не давал никаких моральных оценок, лишь выстраивал цепочки вероятных событий, каждое из которых вытекало из предыдущего ровно с той же холодной логикой, с которой солнечное пятно вытекало из магнитного напряжения в фотосфере.

Потом она нашла в данных строку, которую не ожидала: алгоритм смоделировал её собственные действия в нескольких сценариях. В одном из них она выходила на пресс-конференцию и говорила: «*Люди имеют право знать*». Это была фраза вполне в её стиле. И после этой фразы в сценарии шли первые списки. Через восемь месяцев прогнозировался первый официальный реестр лиц с повышенным прогностическим риском, через четырнадцать шли первые случаи применения реестра при трудоустройстве. Через два года — судебный прецедент, в котором прогностические данные были приняты как косвенное доказательство умысла.

Какая-то часть сознания до последнего верила, что правильные руки и правильный протокол решат проблему. Но... какова у того статистическая вероятность?

Вера выключила массовый режим. На экране осталась только строка с её именем и цифрой: 0.83. Предстоял долгий вечер размышлений о самосбывающихся пророчествах.

Файлы методики лежали в отдельной папке: «*МЕТОД_ПОЛНЫЙ*». Внутри гнезился алгоритм в исходном коде, калибровочные таблицы, схемы модификации спектрального модуля, инструкция по воспроизведению, а также резервные копии всего перечисленного сразу в трёх форматах.

Рядом лежала папка «*АРХИВ_ИНТЕРВЕНЦИИ*» со сканами журналов наблюдений, таблицами имён, дат, пометок, результатов... Все двадцать лет.

Вера выделила все файлы в папке с методом.

Она задумалась о Коновалове, который, наверное, опять колот у себя во дворе дрова. Он жив, и это реальный факт, а не вероятность. Потом подумала о Галине Тихомировой и заметке на третьей полосе. Отец явно верил, что делает правильное дело.

Ещё не давала покоя фраза, которую алгоритм вложил ей в уста: *«Люди имеют право знать»*. Это правда, люди действительно имели право знать о том, что отец делал с их жизнями. Жертвы его ошибок имели право на признание, а те, кому он помог, имели право знать, как именно это произошло.

Но к методике воспроизведения это право уже не относилось...

Она удалила папку *«МЕТОД_ПОЛНЫЙ»*.

Потом нашла резервные копии в трёх других местах и удалила их следом, а в качестве закрепительного жеста ещё отформатировала внешний жёсткий диск. Это заняло около двадцати минут.

Потом она подошла к аппаратуре в углу. Нестандартный, самодельный, единственный в своём роде спектральный модуль стоял отдельно от основного телескопа, соединённый с ним кабелем. Она нашла в ящике стола отвёртку и открыла корпус, обнажив плату. Отец паял её, очевидно, сам, следы его работы были очень аккуратные, без лишнего припоя или царапин. Без этой платы модуль становился обычным спектрографом, и прибор не мог регистрировать информационный отклик.

Вера вынула плату.

Двадцать лет работы, сконцентрированные в куске текстолита...

Она положила ее на стол и взяла из ящика молоток. Несколько ударов — и двадцать лет работы разлетелись в зеленые осколки.

Сервер в углу мигнул и вывел на экран строку:

«Сигнал потерян. Окно закрыто».

А потом, через секунду: *«Интервенция успешна»*. Забавно...

Она собрала осколки платы в пакет и спрятала в карман куртки.

Из папки *«АРХИВ_ИНТЕРВЕНЦИИ»* Вера ничего не удаляла. Она скопировала всё на свой ноутбук, потом сделала резервную копию на флешку, потом написала три коротких письма: журналисту-расследователю, которого знала по прежней работе, правозащитной организации, которая занималась делами о незаконном вмешательстве в частную жизнь, и адвокату, специализирующемуся на делах о причинении вреда. В письмах она обозначила, что у неё есть документация о систематическом вмешательстве в жизни людей без их ведома и согласия и что она готова предоставить материалы. О методе она ничего не написала. Ни о солнечных пятнах, ни о вероятностных паттернах. Только о том, что можно проверить и доказать независимо от любой физики.

Расследование вышло через шесть недель.

Журналист, которому она передала материалы, работал без спешки. Он проверил каждое имя из архива, которое удалось идентифицировать, поговорил со всеми, кто согласился, запросил официальные документы там, где они существовали, и четырнадцать из двадцати трёх верифицированных случаев вмешательства отца удостоились войти в публикацию. Материал вышел в двух частях, первая называлась *«Астроном и его соседи»*. Второй дали имя *«Цена предвидения»*.

Посёлок после этого раскололся. Коновалов дал интервью местной газете, в котором говорил, что Андрей Викторович спас ему жизнь, а дочь не имела никакого права копаться в его архивах. Нина Георгиевна не давала никаких интервью, но Вера знала от общих знакомых, что иначе чем *предательница* теперь та её не называет. Ещё несколько человек из посёлка написали письмо в редакцию с требованием опровержения. Галина Тихомирова нашлась сама

через неделю после публикации, позвонила и сообщила коротко и без предисловий, мол, *прочитала, спасибо*.

Савин написал официальное письмо в редакцию, в котором назвал публикацию вырванной из контекста. Он давил на то, что метод был научным прорывом, и применение требовало институционального контроля, которого не было, и что уничтожение документации является невосполнимой потерей для науки. Письмо, как водится, было корректным и убедительным, по формальным признакам не прикопаешься, — и редакция опубликовала его как отклик.

Научное сообщество реагировало осторожно.

Мать позвонила через три дня после публикации. Разговор был коротким.

— Ты сделала это, — сказала она.

— Да.

— Он бы не хотел... очень он боялся этого, — сказала мать. — Помню, как говорил, что если метод исчезнет, то все его ошибки останутся просто ошибками. Без смысла...

— Его ошибки и были просто ошибками, — отрезала Вера. — Смысл он придумал сам, чтобы не признаваться, что ошибся.

В трубке прозвучало три коротких гудка. Сбросила...

Правозащитная организация, которой Вера передала материалы, начала работу с несколькими из случаев. Юридические перспективы были туманными, ведь большинство вмешательств отца не подпадало под существующие статьи, потому что он действовал косвенно: анонимные письма да советы, которые люди принимали добровольно. Тут доказать умысел было сложно.

Адвокат написал, что дело Галины Тихомировой имеет перспективы, если она захочет его вести, но Галина не перезвонила.

Через месяц после публикации в одном из профессиональных астрономических форумов появилась ветка обсуждения. Кто-то из читателей материала попытался реконструировать метод по косвенным данным из статьи, однако ветка быстро заглохла, набрав лишь пару десятков ответов. Данных было недостаточно, и без ключевых технических деталей реконструкция не шла дальше общих рассуждений. Общее описание принципа без конкретной реализации было как карта без масштаба: вроде примерно понятно, куда идти, но не понятно, как далеко.

Этого могло не хватить навсегда, но она рассчитывала просто выиграть время. На то, что пока кто-то придёт к тому же открытию самостоятельно (а рано или поздно придёт), уже успеет состояться неудобный разговор о том, что с этим делать. Отец этому разговору случиться не дал, решил всё самостоятельно, а Вера не собиралась повторять его ошибку.

Утром, в день отъезда, она вышла из обсерватории с сумкой и остановилась на крыльце, мысленно прощаясь с видом. Нина Георгиевна вышла следом. Они не разговаривали с того дня, как вышла публикация, только здоровались в коридоре чем-то средним между «доброе утро» и «мразь». Нина Георгиевна тяжело выдохнула:

— Даже на солнце бывают пятна...

Раньше эта фраза звучала как утешение. Никто, дескать, не идеален, значит нечего и из штанов выпрыгивать. Снисхождение, завернутое в астрономию...

Но пятно на солнце — это не изъян характера. Это место, где магнитное поле настолько сильное, что подавляет конвекцию, и энергия не выходит наружу обычным путём, а накапливается, структурируется, создаёт напряжение. Энергия в нём заперта и организована иначе. Отец как раз сам был таким «пятном». Тёмным от избытка структуры и слишком большого количества знания, которое он организовал в систему и запер внутри себя, не выпуская туда, где оно могло бы рассеяться безопасно.

— Да, — кивнула Вера. — Бывают...

Нина Георгиевна кивнула и ушла внутрь. Вера подняла сумку и пошла вниз по дороге к остановке.

Автобус пришёл с опозданием на семь минут.

За стеклом посёлок медленно уходил назад, потом дорога вошла в лес, и он и вовсе исчез.

Где-то там, за облаками, на поверхности солнца активная область 4197 продолжала существовать. Магнитные петли, тёмное ядро, яркая пенумбра по краям... через несколько дней она распадётся, как распадаются все активные области. Магнитное поле рассеется, конвекция восстановится, поверхность выровняется, и на этом месте не останется ничего, кроме данных в архивах обсерваторий по всему миру — координаты, площадь, класс, магнитный поток...

Автобус шёл по трассе. Солнце за облаками было белым и обычным. Поле тянулось по обе стороны дороги, и снег в низинах был настоящим, и холод за стеклом был настоящим, и усталость в плечах тоже.

А всё остальное она разберёт потом.

Ирина Бабич. НАСМЕШКА СУДЬБЫ

Тяжёлые створки блёклого от времени, пыльного занавеса сомкнулись. Антракт. Он закрыл уже воспалённые от света софитов глаза. Выдохнул, нетерпеливо стряхнул с себя ставший рутинным образ и шагнул за кулисы.

В неказистой гримёрке нервным движением вынул из мятой пачки сигарету и пошарил рукой по столу в поисках оставленной перед началом спектакля зажигалки. Уже несколько минут ожидавший его в залоснившемся кресле друг торопливо протянул свою.

Жадно затянулся табачным дымом (давняя привычка, прежде снимавшая напряжение, с годами оказавшаяся бессильной заглушить сердечное нытьё).

— Ты сегодня сам не свой, — окликнул его, застывшего с остановившимся взглядом, друг, первый и лучший, с кем без доли сомнения идут в огонь и воду под клич медных труб.

— Давит меня этот город, Саня, — очнувшись от мыслей, хрипло выговорил он в ответ. — Всякий раз давит воспоминанием о ней.

— Год с лишним, — потрепала его по плечу дружеская рука. — Все сроки вышли, — как же нелегко отыскать нужные слова. — Пора бы и отпустить.

— Не выходит, — неприкаянно качнул он головой. — Сколько раз зарекался ехать сюда ещё раз с гастролями. А увижу в очередном графике Питер, и здравый смысл сшибает с ног сумасшедшая мечта увидеть её снова. И еду, как одержимый. Вот и в этот раз. Только опять судьба обманет и посмеётся, — ещё тлеющий окурок яростно вдавлен в дно шероховатой пепельницы.

— В этот раз без женской компании мы не останемся, — заговорщицки подмигнул ему собеседник. — Для меня, сам знаешь, наша культурная столица стала счастливым билетом. Моя невеста — петербурженка. Язык сломаешь, — усмехнулся он. — Обещала прийти на спектакль. Вот и познакомитесь. А то ведь одно только имя её и знаешь. Кстати, для тебя её имя даже в чём-то символичное, — вдруг пришло на ум соображение, — Вера.

— Главное, редкое, — почему-то вспомнилась фраза из известного наизусть советского фильма. — Столько уже о ней говорено, — вынужденно натянута улыбка. — Действительно, не терпится взглянуть на эту умницу-красавицу, без красного словца, талантливого режиссёра.

— Погоди-ка, ты что-то путаешь. Ни о чём таком я не говорил. Ни к театру, ни к кино она отношения не имеет, — недоумение сменилось беспокойством о настроении товарища.

— Самородок, значит, — криво усмехнулся тот. — Сама до всего дошла, без курсов, мастер-классов и проб. Премьеру на сцене здешнего ЗАГСа затеяла с заматерелым холостяком-сердцеедом в главной роли. Прости, — опомнившись, осёкся он в желчной фразе, избегая взгляда красноречиво молчащего друга.

В дверную щель гримёрки вторгся дребезжащий звук первого звонка перед началом второго акта.

Ещё час. Целый час, за который сердцу уже опостылело ломать на сцене комедию, а губы ещё вынуждены то и дело примерять улыбки и произносить пошлые шутки.

Финальная реплика. Тишина в полминуты, разорванная аплодисментами публики. Очередное испытание гастролёрами в этом холодно-бездушном к его чувствам городе почти закончилось. Осталась чепуха: несколько раз выйти на бис, несколько букетов взять из рук толпящихся у края сцены поклонников, с тем чтобы оставить их после служащим ДК (на что ему цветы в купе ночного поезда?), несколько раз черкнуть автограф на протянутых программках или за неимением ничего подходящего на надорванных контролёром билетах.

Удовлетворяя которую по счёту просьбу, вручённая ему авторучка наспех оставляет на листке в клетку крупную вязь из нескольких букв и замирает. По какому-то наитию он поднял голову и посмотрел в зал. Среди опустевших кресел первых рядов стояла обаятельная шатенка,

совершенно посторонняя суесящейся у сцены толпе. Её исполненные ожидания глаза искали кого-то в смешении актеров, поклонников, декораций и цветов.

Глаза. Больше года после их встречи они заглядывали в самую его душу всякий раз, едва он закрывал свои. Глубокие, подёрнутые бирюзой, как сама Нева, над рябью которой они встретились.

Это случилось в первый день его первого и, как оказалось, рокового приезда в этот город, перевернувший вверх дном прежнюю жизнь. По-своему развлекающаяся судьба привела её на съёмочную площадку по левую сторону Троицкого моста. Проникновенный взгляд любопытной незнакомки с головой захлестнул его речной волной без единого шанса всплыть на поверхность и сделать спасительный глоток воздуха.

Площадка, кресло режиссёра, свет, камера оператора, партнеры, реплики обломками недавно прочного, а сейчас с чудовищной пробоиной идущего ко дну корабля вязли в мягком речном иле. Забыв всё и самого себя, он видел только эти глаза, путиной крушащие серые льдины его до сих пор обыденного существования.

Опомнившись, он сделал несколько шагов к ней по соединившему их мосту. Её губы тронула, как ему показалось, поощряющая его намерение улыбка.

— Ника, — протянутой ему рукой положено начало знакомству.

— Удивительное имя, — счастливый, улыбнулся он в ответ.

— Ничего удивительного, — возразила она, пожав плечами. — Всего лишь короче и удобнее официозного «Вероника».

— Ника — имя богини победы, — заметил он словоохотливой девушке, — и вы, похоже, не уступите тёзке в главном — в способности без боя побеждать мужские сердца.

— Романтик, — без намёка на смущение констатировала она в ответ на его оригинальный комплимент. — И как же зовут очередную жертву непобедимой богини?

— Евгений, — оживила его обветренные губы тёплая улыбка.

— Почти гений, — с ироничной гримаской уронила она. — Хотя с такой-то профессией не удивительно. Вы ведь актёр? Звезда? — девушка без стеснения смирила его взглядом. — Или, как у вас говорят, подающий надежды?

— Актёр, — оставил он без ответа её последние вопросы. — Здесь на съёмках фильма по очередному бестселлеру. Вот его автор — точно гений, — усмехнулся он остывшему в её взгляде интересу.

За его спиной раздался недовольный оклик хватившегося его на площадке режиссера.

— Я должен закончить сцену, — снова заговорил он уже извиняющимся голосом с ожидающей девушкой. — Осталось несколько дублей. После мы могли бы выпить по чашечке кофе?

— Возможно, — о чём-то задумавшись, неопределённо ответила она.

— Если вам неудобно ждать сейчас, подарите мне свой номер телефона. Я позвоню позже, чтобы договориться о новой встрече, — он не помнил, чтобы когда-то ещё вот так просил о чём-то женщину, так ждал её снисходительного согласия. — Богиня может позволить себе такую малость?

— Давайте свой телефон, — лукаво улыбнулась она.

Покрытые пастельным лаком овальные ноготки резво застучали по экрану спешно вынутого из кармана смартфона, вбивая в список контактов новый номер.

— Вот, — вернула девушка телефон его затаившему дыхание владельцу.

Из гурьбы собравшихся позади них зевак, озадаченной происходящим съёмочной группы и уже возмущённого его выходкой режиссера вынырнул запыхавшийся мужчина лет тридцати. Бесцеремонно сжав локоть девушки, он повернул её к себе.

— Как тебя угораздило здесь оказаться? Я ждал тебя в условленном месте больше полутора часа. Ты что же передумала заявление подавать?

Она замерла на перепутье между ними. Оторвав исполненный неловкости взгляд от орошенного нового знакомого, она растерянно посмотрела на раздосадованного (похоже, не первый раз) мужчину и отрицательно качнула головой в ответ на его последний вопрос.

— Тогда идём поживей. С очередью я уж как-нибудь договорюсь.

Так же внезапно, как появился, он растворился в замороженно молчащей толпе. Вместе с ней.

Чужая невеста. Исчезнувшая без даже беглого взгляда на прощанье. Перечеркнувшая ему путь в её жизнь. Ему туда дорога заказана.

Он шагнул к спасительным перилам моста, тяжело привалился к чугунному узору. Из одеревенелых пальцев выскользнул смартфон с заветным номером. Он провожал его остановившимся, пустым взглядом.

Он не видел её больше года, хоть раз за разом приезжал в разлучивший их город с гастролями, с неисправимым упрямством надеясь, что судьба даст ему второй шанс. И сегодня она снова рядом. Снова одна. Исполненным чувств взглядом ищущая в шумной толпе кого-то. Его?

Увидала! Бирюза глаз вспыхнула неподдельным счастьем. Она радостно махнула рукой ... кому-то за его спиной. Он обернулся.

— Вера! — махал ей со сцены в спешке споткнувшийся о ворох букетов друг. — Оставайся там, я сейчас спущусь. Это и есть моя невеста, — кивнул он застывшему товарищу, приглашая того оценить его выбор.

Юрий Селиванов. ГАРМОНИЯ ЖИЗНИ

Мы сидим с Ханиным в моей старой бане, пьем пиво и рассуждаем.

Ханин — холостяк, а у холостяков, как известно, свой взгляд на мир. Правда, когда-то он был женат, но счастье, как это часто бывает у неординарных личностей, оказалось непрочным: через год она ушла к другому, — с тех пор он боится ЗАГСов и не верит женщинам. Наша дружба гармонична и прочна, мы с ним антиподы: он способен на поступок, а я нет — я плыву по течению.

Он сбрасывает с себя махровый полосатый халат, подставляя свое упитанное загорелое покрытое густой растительностью тело под свет неоновой лампы.

— Ну-ка, скажи мне, — обращается он ко мне, — только честно, на кого я похож?

Я не удивляюсь этому странному вопросу, потому что знаю Ханина тысячу лет, еще с того времени, когда мы с ним ходили в один детский сад. В школе мы сидели за одной партой и ухаживали за одной девочкой. Она, конечно, выбрала его. Я был в их дуэте третьим лишним. С тех пор мало что изменилось — наш треугольник по-прежнему существует...

Неторопливо и придирчиво, как врач, я осматриваю его: сначала снизу вверх, потом сверху вниз.

— Одевайтесь, — говорю я ему равнодушным казенным голосом, словно он действительно у меня на приеме. — Вы похожи на пьяного заведующего хирургическим отделением.

— Ну а если без бэ? — напрашивается на комплимент Ханин.

— Ну, если без бэ, — отвечаю я, — то для того, чтобы узнать, на кого ты похож, не обязательно идти в баню. Достаточно для начала просто жениться — пройдет совсем немного времени, поверь, и ты все про себя узнаешь!

Мои призывы к женитьбе не совсем бескорыстны. Я чувствую угрызения совести по отношению к Ханину — двадцать лет назад его жена ушла ко мне. Просто сказала мне однажды: «Я поживу у тебя немного?». Это «немного» затянулось почти на двадцать лет. Мне хочется, чтобы он женился. Тогда наш треугольник непременно развалится.

По его пальцам стекает жир, он ест вяленого сазана. Ест и жалуется, как ему трудно.

— Из жизни моей ушла гармония, — говорит он, вытирая пальцы и губы туалетной бумагой из рулончика. — Теперь в ней пустота, пропасть, безвоздушное пространство, которое я вынужден заполнять черте чем.

Я понимаю, что это упрек в мой адрес, но молчу.

Он залпом осушает почти полную кружку пива. Так пьют только очень здоровые люди, любящие жизнь. Он лезет в карман кожаной куртки и достает оттуда потрепанный талмуд.

— Вот, — не без гордости говорит Ханин, — полный блокнот телефонов с именами, он все толще и толще с каждым годом. Часть этих женщин замужем. Впрочем, ты меня не поймешь.

— Пора завязывать, — советую ему я. — По-моему, ты сполна познал эту нелегкую сторону жизни.

— Наверно, ты прав, — соглашается он. — Но как? Я погряз в этом!

— Включай морально-волевые. Займись йогой, брось пить. Смотри на женщин трезвыми глазами, как бы со стороны. Остановись на одной и не распыляйся.

Он смотрит на меня снисходительно — так смотрят на неудачников и на людей, ни хрена не смыслящих в жизни.

— Понимаешь, — начинает он объяснять, — у нас в медицинской сфере как-то не принято особо стесняться, да и не всегда получается. Наши дамы при мне могут обнажить свои прелести: примерить лифчик, снять юбку, кофту, ну и прочие атрибуты. Не специально,

конечно, такова специфика деятельности. Это, так сказать, чисто профессиональная раскрепощенность.

— Ну что, все так поголовно и обнажаются? — спрашиваю я с недоверием.

— Ну не все, конечно, но очень, очень многие. Это еще со студенческой скамьи. У медиков это принято. Наш курс, например, боролся с условностями так: мы ехали за город, находили уединенное место и купались в речке голыми. Это было очень интересное зрелище, поверь. Множество голых женских попок, лежащих на зеленой лужайке. Мы с ребятами стояли на берегу, естественно, тоже голышом и по попкам определяли, кто есть кто.

— Ты никогда не женишься, — говорю я ему, — потому что плохо относишься к женщинам.

После моих слов Ханин замолкает, лицо его становится задумчивым, он трет рукой свой сократовский лоб. Я рад, что загнал его в угол. Я ставлю себя выше Ханина. Я лишний раз хочу убедиться в том, что тогда, зимней холодной ночью, это была не случайность, не прихоть Веры.

У Ханина стальные нервы. Он может выдержать все. Он прекрасно пережил развод — можно даже сказать героически, с улыбкой на лице. Никаких претензий ни ко мне, ни к ней, никаких унижительных сцен; благородно и интеллигентно. Я принял эти правила игры, потому что мне ничего другого не оставалось. Хоть лучше бы он тогда набил мне морду. Есть вещи, которые нельзя прощать. Откуда такая беспринципность?

— Он просто притворился, — говорит мне мой внутренний голос, — чтобы не потерять Веру окончательно. Ему не все равно, что она о нем думает, это же видно. И не женится он только потому, что до сих пор ждет ее. И все его рассказы про женщин — сплошная ложь и наговоры. Его послушать, так женщины только и мечтают нырнуть к нему в кровать. Тоже мне Казанова.

Я не слушаю свой внутренний голос. Я посылаю его к черту. У меня на этот счет есть собственное мнение. Мне хочется быть снисходительным и добрым, не теряя при этом свойственной мне объективности. Главное, чтобы Ханин не обиделся. В мои планы это не входит. Я же не обижаюсь на него, когда Вера по полчаса в день разговаривает с ним по телефону. У них какие-то свои секреты. Он поздравляет ее со всеми праздниками, целует ей руку, когда приходит к нам в гости. У него прекрасные отношения с нашей дочерью, которой недавно исполнилось девятнадцать, она поступила в медицинский не без его участия. Наверное, там преподают те, кто загорал с голыми попками на лужайке вместе с ним. У него везде свои люди. Ханин смеется и говорит, что она пошла по его стопам. По-моему, это подло. Любой другой на моем месте устроил бы по этим поводам грандиозный скандал, но я молчу. Он обедает вместе с нами иногда. Он как член семьи. Все знакомые уверены, что у них с Верой роман, а я думаю, что между ними ничего нет.

Вера мне ставит Ханина в пример. В такие моменты мне хочется ее убить. У этой женщины странная логика: ее послушать, так я должен быть похожим на этого волосатого питекантропа. Это какое-то моральное извращение. Да, он хороший хирург, у него огромный дом, положение, его уважают, он большой и сильный, он может спать со своими сотрудницами и оправдывать это профессиональной раскрепощенностью. Зачем тогда было с ним расходиться, если он такой замечательный? Зачем ей понадобился я? Иногда мне хочется предложить ей снова выйти за него замуж, но я не делаю этого, боюсь, что она согласится...

— Понимаешь, она называет меня «Мой гиббончик», — прерывает мои размышления Ханин.

— Кто, Вера? — удивляюсь я.

— Да нет, причем тут Вера? — Ханин смотрит на меня удивленно. — Виолетта, моя ассистентка. Это намек на мою повышенную волосатость. Боюсь, что ей нужен не я, а мой особняк.

— Да плюнь ты, — я впикиваю ему в ладонь рюмку с водкой, — она молодая и глупая...

— И что же мне теперь прикажешь делать? — спрашивает Ханин, закусывая выпитую водку соленым огурцом. — Ждать, пока она постареет и поумнеет? У меня на это времени уже не осталось. Меня это стало цеплять, понимаешь? — раньше я за собой такого не замечал. Психологи рекомендуют для повышения самооценки смотреть в зеркало и хвалить себя. С тех пор как она назвала меня гиббончиком, я не могу делать этого, потому что кажусь себе чудовищем. Боже! И я хотел жениться на этом коварстве!

В душе я ликую: «Так ему и надо!» Я поворачиваю голову и смотрюсь в зеркало, чтобы повысить свою самооценку, хоть мне это не нужно совсем, потому что, в отличие от Ханина, я не собираюсь идти в ЗАГС с кем попало.

В зеркале я вижу отражение какого-то пьяного волосатого кретина в сванке с кисточкой.

— Кто это? — думаю я. — На Ханина кретин не похож — Ханин не носит сванки, на меня тоже — у меня есть сванка, но на теле нет растительности в таком изобилии.

Всматриваюсь пристальней, чтобы детализировать незнакомый объект, но меня отвлекает окончательно разомлевший от пива и водки Ханин. Он кладет свою мохнатую лапу мне на плечо и, сокрушенно вздохнув, резко меняет тему. Проклятый холерик! Он уже забыл, что еще секунду назад был в шаге от самоубийства...

— По правде сказать, я давно думаю, а почему бы тебе не завести любовницу? — говорит он, близоруко щурясь от света и снимая с головы мою сванку. Без очков он похож на японца.

Когда японец предлагает тебе завести любовницу, это смешно. И я смеюсь открыто и раскатисто.

— Любовницу? — включаю я дурака. — А зачем мне она на старости лет?

— Как зачем? — горячится Ханин. — Жена у тебя есть, потому что ты ее отбил у меня.

— Наглая ложь, — говорю я. — Никого я у тебя не отбивал. Ты ее сам у себя отбил.

— Ты еще скажи, что она сама затащила тебя к себе в постель!

— Практически так оно и было, — подтверждаю я.

— Ну хорошо, жена с активной жизненной позицией есть, охотничий сеттер тоже есть, — продолжает перечисления Ханин, которого ничуть не смутил мой циничный ответ, — машина, дача, теща. Не хватает только любовницы для полной гармонии, знаешь, такой молодой и насмешливой.

— Она будет мне подавать sake и заставлять есть рис палочками? — я смотрю на Ханина, и меня опять душит смех.

Ханин не замечает моего состояния — он сел на своего любимого конька. Он очень любит меня учить и воспитывать. После того как я женился на его жене, он считает себя вправе это делать как пострадавшая сторона.

— Зачем sake? — не понимает он. — Вздор какой-то несешь. Мы ж не в Японии. Гейшу ты не потянешь, а эта будет называть тебя папиком и тырить деньги из твоего кошелька. Это очень забавно, когда у тебя из кошелька милое существо тырит деньги. Мы могли бы по этой теме с тобой обмениваться ощущениями. Это было бы еще одной нашей с тобой точкой соприкосновения.

— Лучше ты женись, — говорю я ему, — и мы сразу же обменяемся ощущениями, которые у тебя непременно тут же появятся. Она будет тебе делать мозги, говорить, что ты тьюфак, и ставить в пример кого-нибудь из знакомых — меня, например.

— Тебя? — удивляется он.

— Да, конечно, а кого же еще ей ставить? В твоём окружении не так много порядочных людей, — я специально подливаю масла в огонь.

— Не нужно говорить про Веру гадости, — отвечает он, догадываясь, откуда дует ветер, — она никогда не позволит себе такую глупость.

— По-твоему, ставить меня в пример — это глупость? — не унимаюсь я.

— Конечно, — подтверждает Ханин, — причем, очень большая.

— А тебя?

— Меня можно.

— Странно, — думаю я. — Он говорит так, словно знает, о чем мы с ней разговариваем.

А может, она уже дала согласие снова выйти за него? Нет. Он явно блефует, как картежный шулер. Коварство Ханина не знает границ. Я уверен в одном: он плетет вокруг меня интригу уже много лет. Я чувствую, как постепенно затягивается петля на моей шее. Он прочно врос в мою жизнь всеми корнями. Его просто так из этой жизни уже не выкорчевать. Мне иногда кажется, что он читает мои мысли, а я его. Вот сейчас он скажет про одиночество и зевнет.

— Знаешь, мне осточертело одиночество, — признается Ханин, зевая. — Хочется твердой поверхности и стабильности. Наверно, ты прав, и мне нужно жениться.

Мне становится страшно, а вдруг он все-таки добился своего? От Ханина можно ожидать чего угодно. Ведь о чем-то они говорят по телефону!

— Если ты думаешь, что брак — это твердая поверхность и стабильность, то сильно заблуждаешься, — ставлю я защиту. — Поверь мне, человеку, прожившему в браке столько лет. Брак это в лучшем случае зыбкое болото, а в худшем — вообще минное поле. Хороший муж это, прежде всего сапер, иначе не выжить!

— А я всегда вспоминаю, как хорошо мы жили с Верой, — ударяется в воспоминания Ханин. — Мне так было тихо и спокойно с ней. Она чудно готовила оладьи с тертым яблоком и омлет с ветчиной и помидорами....

— А ты с младшим и средним медперсоналом улучшал в это время производственные показатели, — вставляю я ехидно.

— Если бы ты тогда ей не подвернулся, она бы никуда не ушла, — говорит он, — и кризис среднего возраста с переоценкой ценностей был бы не у меня, а у тебя.

Я не спорю с ним. У каждого из нас своя правда. Он злит меня своей сентиментальностью. При его образе жизни это немыслимая роскошь.

Я не верю Ханину — он волк в овечьей шкуре. К его словам нельзя относиться серьезно. Вся его аристократичность и благородство — лишь маска, рассчитанная на младший и средний медперсонал.

— Да, у меня нет кризисов, — говорю я, стараясь удержать позицию, — мне просто не до них: двадцать четыре часа в сутки я на конспиративной работе. Я как Штирлиц в логове врага — всегда начеку. Все против меня. Я как бегающая мишень — постоянно на мушке.

Ханин с удивлением смотрит на меня и молчит. Этот выпад ему не понятен. Он, наверное, думает, что я ни о чем не догадываюсь. Но я знаю все. Мне даже не нужно ни за кем следить — я чувствую его и ее каким-то звериным чутьем.

— Да, мне нечего переоценивать, — продолжаю я. — Иногда я даже завидую тебе, живущему только собственными инстинктами.

— Инстинктами? — удивляется Ханин. — Это что-то новое!

— Да, инстинктами, — подтверждаю я. — Этому ты научился у своих баб. В тебе есть что-то от питекантропа, и внешне и внутренне. И все твои бабы ценят в тебе именно это питекантропическое начало.

— Здорово! — неожиданно оживляется Ханин. — В этом определенно что-то есть! Питекантроп мне нравится гораздо больше, чем гиббончик, все-таки он наш древний предок. Синтез безденежья и бесшабашного романтизма! Нечто подобное у меня было в Сочи лет эдак с пятнадцать назад, — вспоминает он. — У меня тогда чемодан на перроне сперли, и я остался в одних сандалиях и плавках, без крова и средств к существованию. Два дня я ночевал на пляжном лежаке, укрывшись «Литературной газетой», как американский нигер из передачи «Международная панорама», которую я когда-то очень любил. Выручила одна врачиха из санатория. Мы с ней на пляже познакомились, где я обучал местных аборигенов массажному искусству. Взяла к себе жить. Представляешь, я целую неделю был полным альфонсом! Мы пили местное

Божоле и ели экзотические фрукты. Она меня называла «мой котик». Через неделю мне пришел перевод, но я от нее не съехал. Денег с меня она не взяла. Святая женщина!

Я посмотрел на его счастливое лицо и подумал:

— Ну что Вера нашла в этом самовлюбленном самце? Он использует свое мужское обаяние исключительно для решения сугубо практических вопросов.

— В моей шкале ценностей женщина стоит на самой верхней строчке, — продолжает разглагольствовать Ханин. — Они как вехи на дороге моей судьбы, как этапы жизни. А врачиха — это так, маленький эпизод, хоть, между прочим, она до сих пор шлет мне открытки на Новый год.

Я не понимал, для чего он приплел сюда эту врачиху с ее открытками. Тоже мне, дамский любимчик! Марчелло Мастроянни! Мне хочется его шарахнуть чем-нибудь тяжелым по голове, например, разделочной доской, на которой лежат останки съеденного Ханиным сазана... Но я сдерживаю себя.

— Идеалист, который никогда не был связан с женщиной бытом, — говорю я пустую фразу.

— Нет, — не соглашается он, — я не идеалист. Я практик и знаю точно, например, что у моей подруги я не на первом месте в ее шкале, — продолжает он. — Ее можно понять: у меня лысина и живот и куча вредных привычек. И я не главврач поликлиники. И это очень обидно...

— Обидно?! — возмущенно восклицаю я. — Ему, видите ли, обидно, что он не на первом месте... Ах! Как мне тебя жалко, бедненького. А мне что делать прикажешь? У моей я даже не на втором и не на третьем месте. Тут дай бог в десятку лучших войти. Ее послушать, так хуже меня нет на свете. Но ничего, живу. Семейная жизнь, Сережа держится, не только на этом.

— А на чем же, по-твоему, она держится? — в голосе Ханина чувствуется заинтересованность. Он никак не может успокоиться и хочет понять, почему Вера ушла тогда именно ко мне. Он не знает, дурак, что такая женщина, как Вера, могла уйти к кому угодно. Она непредсказуема.

— Есть, наконец, общие духовные ценности, — выкручиваюсь я.

— Ну, это демагогия, — не соглашается Ханин. — Не может быть общих духовных ценностей с женщиной, если ты у нее на последнем месте. Это ты врешь, и прежде всего себе. — В словах Ханина чувствуется злорадство. — Ты еще помой полы и свари борщ с целью завоевать к себе уважение. Запомни, они ценят мужчину только тогда, когда боятся его потерять! Заруби себе это на носу! У мужчин тоже самое — ты не заводишь любовницу от неуверенности в себе.

— Не завожу любовницу? — я иронично улыбаюсь, вернее, пытаюсь улыбаться, и у меня это плохо получается. Ханин бьет в самое больное место. — Да если хочешь знать, я как раз недавно познакомился с одной очень даже симпатичной дамой, она милая и добрая, у нее прекрасная фигура, третий номер бюста и шикарные серые глаза с поволокой. Мы условились на днях встретиться.

Я вру ему нагло и отчаянно, не осознавая даже зачем. Может быть, я вспомнил, как на неделе Вера, увидев мой красноречивый взгляд, брошенный из машины в сторону стоявшей на остановке женщины в рыжем стильном пальто, сказала насмешливо:

— Такие тебе не по зубам!

— А Ханину? — зачем-то спросил я. — Он бы, я думаю, своего не упустил?

— Не знаю, — ответила она рассеянно, — может, она не в его вкусе.

Мне захотелось отомстить ей именно сейчас. Именно через Ханина. Они всегда были заодно.

— Ах ты, хитрец! — непонятно чему радуется Ханин. — Вот тебе и примерный семьянин. Я всегда подозревал, что в тебе есть нечто такое... А ну-ка, ну-ка расскажи, — он подвигается поближе, — как там у вас развивалось! В подобных делах детали самое главное. Третий номер бюста, говоришь? Это что-то новое.

— Как же ты мне надоел, — думаю я. — От тебя никуда не скрыться. Ты всеяден и вездесущ. Даже ночью, когда мы с Верой остаемся вдвоем в нашей спальне, мне иногда кажется, что сейчас откроется дверь и войдет Ханин вот в этом самом махровом полосатом халате. Это какое-то сумасшествие!

Чтобы разорвать этот треугольник, я готов на все. Пусть будет любовный куб, квадрат, параллелепипед, многогранник с бесконечным количеством углов, я согласен даже на трапецию с ее полной дисгармонией, на что угодно, только не на треугольник. Его углы режут, как разбитое стекло. Я готов познакомиться с десятком женщин, включая замужних, лишь бы Ханин оставил нас в покое навсегда. Двадцать лет я живу с ощущением, что сплю с чужой женой.

Ханин жмет мне руку, жмет так сильно, что у меня хрустят косточки. Мне хочется усилить впечатление.

— Завтра же, — не откладывая, говорю я ему, потирая травмированную ладошку, — приглашу ее в кабак.

— Молодец! — восхищается моей смелостью Ханин и смеется. Он не верит в мое донжуанство, не верит в то, что у моей дамы шикарные серые глаза с поволокой и третий номер бюста. Он смеется мне в глаза — он знает про меня все.

— Давай выпьем за женщин, — неожиданно предлагает он, — они дарят нам радость и гармонию жизни.

Я пью за женщин, хоть ничего радостного и гармоничного в них не вижу — как раз наоборот, женщины всегда мне приносили одни разочарования.

— Ты знаешь, я тебя очень люблю, — говорит мне неожиданно на прощанье Ханин. Он обнимает меня и хлопает своей здоровенной ладонью по спине. — Держись, старина!

Уже на пороге он останавливается, словно хочет о чем-то спросить, но так и не решается, машет на прощание рукой и уходит в ночь. Только сейчас я вижу, как ему плохо.

...Это длится уже много лет, с той самой ночи, когда Вера ушла от него. Между нами есть зона молчания. Мы оба знаем что-то такое, о чем никогда не скажем вслух, потому что это разрушит нашу жизнь. Я знаю, что он никогда не женится, а он — что я никогда не заведу себе любовницу. Это наша гармония, всех троих. Она в том, чтобы ничего не менять, ничего не выяснять и оставить в неприкосновенности все как оно есть...

Юлия Рубинштейн. УЛЫБКА ЗОРГЕ

Ирине Соляной, во исполнение обещания

Светлане Прокофьевне очередной раз напомнили, что пора подумать о пенсии. Не начальство. Просто так, из соседнего бюро, при встрече в коридоре.

А когда не начальство, а в коридоре — это покруче. Понесомненное.

И Светлана Прокофьевна думала. Жизнь её складывалась удачно. Вуз сразу после школы. Распределение в эту вот, очень бесхлопотную контору. Лихо девяностых просвистело как-то сбоку: то огородничала, то подторговывала. Муж души не чаял. И был непритязателен: не возмущался тем, что она не умела печь пироги и крахмалить воротнички. Родители ушли без мук, унижений и нянек. Дети закончили вузы и разлетелись по стране. Здоровье пока не подводило. Мечты, даже экзотические — например, увидеть северное сияние — по большей части сбылись. Чего ещё?

Не сиживала, правда, в президиумах. Была в детстве и такая «мечта идиота», угасшая, когда узнала анекдот про Брежнева на батарейках и Андропова от сети. Если президиум — это либо то, либо другое, то ну его.

А какие ещё льготы может выбить пенсионер?

И пальцы её сами собой легли на клавиатуру, и на мониторе возникло:

«Дон-н, — прозвенело колокольчатой прозрачностью, словно дар бледно-голубых рижских небес...»

Вспоминать о единственной профсоюзной поездке в Прибалтику Светлана Прокофьевна любила. Текст ложился строчка за строчкой. И завтра, и послезавтра.

По экрану монитора бродили призраки средневековых рыцарей и оккупантов Второй мировой. Возникали контуры зубчатых башен и обводы тубингов метро. Свистел в ушах драйв погони частного детектива за чиновником министерства.

Месяца за четыре набралась уже сотня страниц «таймсом», двенадцатым кеглем через один интервал. И новоявленная акула пера нырнула в Сеть.

Сеть она не понимала и не любила. Поэтому из ответов на свой запрос осилила только первую страничку. Даже первую ссылку. Та просто верещала: издательство номер один в России!

Пройти по ссылке, однако, пришлось до конца. Шёпотом ругаясь: «Да блин горелый, да йогурт без даты», предпенсионная офисная мадам зарегистрировалась в качестве владелицы личного кабинета, написала обращение к менеджеру, прикрепила те самые сто страниц и кляк-

нула «отправить». И предалась грёзам о заслуженной льготе, весьма нетривиальной льготе, на которую, как считала, она имела право наряду и в неразрывной связи с пенсией.

Ответ пришёл быстро. Через месячишко. «Мы заинтересованы», — гласил он. И содержал вложенный файл договора. Подписать договор следовало одним кликом мышки.

Однако Светлана Прокофьевна была отнюдь не чукча из известного анекдота насчёт «чукча не читатель, чукча писатель». Она-то читать любила. А бумажная работа развила навык вездливости вчитывания.

Чем дальше она продвигалась по тексту договора, тем выше под причёску лезли удивлённые дуги её выщипанных светлых бровей. Она «предоставляет Издательству право по усмотрению Издательства осуществлять корректуру»? То есть переписать в её тексте что захочется — так, как захочется? Извинитеньки. Автор, то есть она, гарантирует, что текст «не нарушает законодательства Российской Федерации и не причиняет вреда деловой репутации, чести и достоинству третьих лиц»? Третьему лицу в мозги не влезешь. На что оно решит обидеться — вот уж морока гадать. А тут не гадай, а гарантируй, под многотысячный штраф. Предоставить персональные данные — паспорт, всё такое, это понятно, а вот что за «иные документы по требованию»? Любую ерунду, какая в голову придёт? А если им захочется какую-нибудь характеристику, мышами в архивах давно сгрызанную — нет уж, дудки.

Но более всего уязвил её конторскую душу раздел «Конфиденциальность». Где говорилось: «Автор гарантирует, что не предоставлял и не будет предоставлять третьим лицам доступ к своей электронной почте». А далее излагались те беды, которые могут постигнуть издательство в случае нарушения этого параграфа. Утечка на сторону коммерческой информации, многомиллионные убытки, обрушение деловой репутации. И ответственность для неё, автора, в полном размере понесённого издательством ущерба.

Это что ж, возмущённо выпрямилась за монитором Светлана Прокофьевна, если сальдо не сошлось, то свалят свои финансовые прохлопы на первого попавшегося лопушка-автора? Обвинив в утечке чего-то важного? Ну уж нет. Быть горничной для битья она не намеревалась.

Клавиши стрекотали пулемётной дробью. Этот пункт изложить так. Этот — так. «... Весь раздел о конфиденциальности. Мою электронную почту знают десятки человек, ряд коммерческих и общественных организаций. Гарантировать, что никто не украл моих данных из Интернета при общении с ними — не имею возможности. Более того, точно знаю, что летом 2020-го, во время выборов, имело место незаконное использование моих персональных данных бизнес-партнёрами. Следует оговорить, что для общения с Вами автор должен организовать отдельную, защищённую почту, оговорить уровень этой защиты и т.п. Возможно, оговорить, что конфиденциальные данные следует переносить на отдельном носителе в опечатанном Вашей организацией портфеле, если в организации есть Первый отдел, сертифицированный ФСБ на такое опечатывание. Работать с ними в защищённой комнате Вашей организации, по защищённой ЛВС (локальной вычислительной сети, международный синоним — Интранет). И уж точно не заключать договор кликом мышки на сайте в общедоступном сегменте Интернета...»

Товарищ Зорге, на улице имени которого Вы сидите, поддержал бы меня — так закончила она машинописную филиппику.

«Мы доверяем нашим юристам, это профессионалы», — гласил ответ.

На следующие несколько её писем, в которых она предлагала то переадресовать её на конкретного юриста, то устроить личную встречу в издательстве, она получала стереотипное: «Пожалуйста, не дублируйте свои письма на другие адреса в рамках нашей организации, это может привести к задержке ответа». И вспоминала читанное в далёкой юности: ребёнок спрашивает, почему говорят «глуп как пробка», а учебник отвечает: пробка — имя существительное.

Вспоминала и улыбалась. Ей казалось, что товарищ Зорге тоже улыбается ей откуда-то там, сверху. Одобряя её упорство.

Наконец, пришёл ответ, который гласил: «Сообщаю, что Издательство больше не заинтересовано в сотрудничестве с Вами».

Светлана Прокофьевна прикусила губу. Вот досада. А хороша была бы пенсионная льгота.

Руки снова потянулись к клавиатуре. Обжаловать действия менеджера вплоть до дирекции. «Прошу сообщить: решение о прекращении сотрудничества выносится дирекцией, экспертами или младшим менеджером по своему произволу?»

Но из издательства ответили, что решение о сотрудничестве было пересмотрено в процессе формирования плана на будущий год.

По образованию Светлана Прокофьевна была технарь. Советский инженер по металло-режущим станкам. Застарелое уважение к планам пятилеток сказалось, и она свернула переписку.

Но теперь она куда более свободно чувствовала себя в Сети. И даже освоила слово «тусовка». Сетевая тусовка, куда она заходила, каким-то образом прознала о баталии с «издательством номер один». И принялась усердно постить и перепашивать.

Через некоторое время у Светланы Прокофьевны образовалось несколько опубликованных повестей. В разных издательствах, электронных и бумажных. «Номер один» расчухало — конкуренты обходят! — и обратилось: «Напишите что-нибудь». Отказала со злорадством. Тогда «номер один» тиснул хвалебный отзыв. Что принесло ей, по прохождении извилистых перипетий сетевого сарафанного радио, славу правозащитника в договорных вопросах и звание «народный стряпчий».

Мужественный борец-антифашист Зорге продолжал улыбаться в её душе.

Ольга Борисова. ВОР

Степанида Архиповна Красненькая — дородная семидесятилетняя старуха в шерстяной кофте, одетой поверх цветастого платья, встретила дочь у порога летней кухни.

— Любка, меня каждую ночь грабят! — не требующим возражения голосом, заявила она.

— И что у тебя украли?

— Не украли, а крадут! Ты что, не слышишь, что каждую ночь наведается вор.

— Так что вор у тебя украл? — с недоверием спросила дочь.

— Сосед дрова ворует. Ночью перелезает через забор, открывает сарайку и перекидывает дрова к себе во двор.

— Какой сосед? Федор?

— Он самый!

— Мам, зачем ему твои дрова? У него сарай под потолок забит. Он недавно их полную машину привёз. Зачем наговариваешь на человека?

— Много ты знаешь, — разозлилась мать. — Это он моими дровами свой сарай заполнил! Бабка у них вороватой была. Много она нам насолела. Теперь внук обижает.

— Мама, может тебе привиделось спросонья? — Люба пыталась переубедить мать.

— Что ты мне не веришь! Я по ночам плохо сплю. В окно смотрю и вора стерегу. Своими глазами видела, как он ко мне во двор по ночам через забор лазит, — Степанида Архиповна горько вздохнула. — Род у них Богом наказанный: кто хромой, а кто косой уродился. Бабка Тоська тоже хромоножкой была. Мы с твоим отцом в восьмидесятых дом решили построить. Брёвна и доски привезли, разгрузили и сложили во дворе стопками, а сами пошли обедать в кухню. Только приступили к трапезе, как шум падающих досок послышался. Выскакиваем, а она выбирает самые лучшие доски и кидает их себе за забор. Мы к ней, а она, не смотри что хромая, перемахнула к себе во двор и даже слушать нас не стала. Пете говорю, что нужно милиционера позвать, а он отмахнулся: «Бог с ней! Пусть берёт, раз ей нужнее». А у нас каждая доска посчитана, пришлось дом меньше по размерам делать. Лес достать в наших краях непросто.

— Мам, бабы Тоси давно в живых нет, а что было, то быльём поросло. Дай ключи, — попросила Люба. — Мы с Серёжей дрова складывали, я сама всё посмотрю.

— Пошли, раз матери не веришь! Скоро печь топить нечем будет, а ты Федьку защищаешь.

Они вошли в сарай. Ничего подозрительного Люба не нашла, все дрова, аккуратно сложенные в конце мая, лежали на месте. Она снова попыталась урезонить мать.

— Мама, как мы их сложили, так они и лежат. Тебе по ночам нужно не в окна смотреть, а спать. Сердечко своё побереги!

Люба видела, что мать обиделась.

— Ты меня должна защищать, а не соседа! Я тебя растила, образование дала, а ты такая неблагодарная! — она всхлипнула, — Сходи к Степану Александровичу, нашему участковому, пусть с Федькой поговорит!

— Никуда я не пойду! Позориться не хочу, — уже разозлилась Люба. — Вечно тебе всё кажется, все тебя обижают, а разобраться — всё эти обиды из прошлого хвост имеют.

— Ну и иди отсель! Без тебя справлюсь!

Любе ничего не оставалось, как отправиться домой.

Вечером, когда муж вернулся из города, где он работал менеджером в частной компании, Люба рассказала о ссоре с матерью.

— Серёж, что мне с ней делать? Уже перед соседями стыдно. Никому она не верит и всех во всё подозревает.

— А что ты с ней сделаешь, Любаша? Возраст и одиночество дают о себе знать. Раньше она не была такой, а как схоронила твоего отца, стала подозрительной и неуживчивой. — Иди, позвони ей. Успокой.

Степанида Архиповна не признавала любые новшества и называла их бесовскими штучками. Сотовый телефон, купленный дочерью и зятем, так и остался лежать в коробке. Пользовалась она только стационарным проводным. Иногда по нему Степанида разговаривала с закадычной подругой бабой Полей и дочерью, когда та сама звонила ей. Люба привычно набрала знакомый номер. Послышались длинные гудки. На той стороне провода трубку никто не брал. «Лето, темнеет поздно, видимо, она ещё в кухне. Позже позвоню», — решила Люба. Через час мать снова не ответила. Не ответила она и в десять, и в одиннадцать ночи.

— Серёжа, нужно к ней сходить. Может, маме плохо. Я начинаю волноваться. Она обычно в девять вечера уже в доме, закрытая на все запоры.

— Надо, так надо. Собирайся, пошли.

Калитка оказалась незакрытой, и они вошли во двор. Люба взбежала на крыльцо дома. На двери висел большой замок. Летняя кухня тоже была заперта.

— Странно, куда она ушла на ночь глядя? — заволновалась Люба.

— Может, скорая забрала? — предположил Сергей.

— Если бы скорая, то мне бы соседи сообщили. У них есть мой номер сотового. Да и врачиха с амбулатории позвонила бы, — она задумалась. — Здесь что-то не так. А не в сарае ли она, сторожит вора?! Пойдём, глянем.

Спотыкаясь в темноте, они добрались до сарая, что находился на заднем дворе. Серёжа дернул за ручку двери, и она отворилась. Он осторожно, чтоб ничего не задеть, вошёл внутрь. Услышав шаги, Степанида Архиповна, дремавшая на стульчике с черенком от лопаты в руках за пустой деревянной бочкой, проснулась. С криком: «Вот ты и попался!» — она ринулась на Сергея, в темноте не разобрав, кто стоит перед ней. Она больно ударила зятя по плечу.

— Вы что, очумели! — завопил Сергей.

— Держи вора! — орала Степанида.

— Мама, это мы! Не трогай Серёжу! — кричала Люба.

Услышав крики, проснулись соседи. В их домах загорелся свет. Во двор выскочил Фёдор.

— Степанида Архиповна, что случилось?

Не получив ответа, перемахнул через забор.

Жена подала ему фонарь. Он вошёл в сарай, осветив помещение. То, что он увидел, повергло его в смех. Бабка Степанида держала зятя за штанину, пытаясь его лупить черенком. Люба держала мужа за талию и кричала на мать. Федор поднял фонарь выше. Степанида увидев Сергея, обомлела.

— Так это ты мои дрова таскаешь?! — снова заорала она. Как тебе не стыдно! А ещё зятем называешься.

— Мама, опомнись! Ты мне чуть мужа калекой не сделала, — сквозь слёзы закричала Люба. — Ты на звонки не отвечала, мы пошли посмотреть, что случилось.

— А зачем в сарай пришли? — недоверчиво спросила мать.

— Замки на дверях везде висят, вот я и подумала, что ты сторожить дрова пошла.

— Эх, соседushка! — вмешался в перепалку Фёдор. — Ты своими дровами всех достала и теперь родных обидела. Угомонись, что было, то быльём поросло. Прошлые обиды на других не переноси. А если тебе дров не хватает, то мы с Серёгой тебе их привезём. Не бросим замерзать в холодном доме.

Ничего не ответив, Степанида побрела по дорожке к дому. Грузно взошла на крыльцо, громко захлопнув за собой дверь.

А на утро все село знало, как Красниха вора ловила, да чуть зятя не убила.

Ольга Борисова. ЗА ПОБЕДУ!

Степан Петрович Самойленко, до пенсии работающий в городе мастером на авиационном заводе, ещё с юности мечтал построить самолёт, но всё не хватало времени: то женился, то детей растил, а как вышел на пенсию, решил осуществить давнюю мечту. Как-то раз он поделился этой идеей с закадычным дружкой Михалычем, живущим на соседней улице.

— Санька, хочу летающий аппарат построить.

— А на что он тебе?

— На СВО отправлю. Будет грузы перевозить.

— Давай! Ты у нас давно прослыл местным Кулибиным, всё время что-то мастеришь. Я тебе помогу, если что.

Получив одобрение друга и, несмотря на недовольство жены, он взялся за дело. Сначала Степан Петрович что-то долго чертил на ватманском листе бумаги, много раз стирая изображение. Затем он переселился в сарай-мастерскую и целыми днями там пропадал, делая перерыв только на обед и ужин. Из сарая разносились громкий стук молотка и жужжание электродрели.

— Ты бы огород лучше полил, — беззлобно ворчала за обедом Валентина. — Лето на дворе. Жара стоит, земля сохнет.

— Некогда мне, Валюшка! — отвечал супруг, стараясь скорее выскочить из дома и исчезнуть за дверью мастерской.

Вечерами к нему в сарай заглядывал Михалыч. Осмотрев работу, он присаживался на низкий стульчик, чтобы обсудить с другом последние сводки с СВО. Когда уходил, Петрович снова брался за дело.

Пролетали месяцы. Стали вырисовываться очертания маленького самолёта, пришло время собирать двигатель. Степан Петрович часто ездил в город, возвращался с большой сумкой запчастей, чем вызывал очередное недовольство жены.

— Поди, всю пенсию потратил?! Жить на что будем?

— Не переживай, с голоду не помрём, — отвечал супруг, доставая из сумки разной величины детали, завёрнутые в промасленную бумагу, и старательно раскладывал их на столе.

— Убери сейчас же! — возмущалась Валентина, — Стол испачкаешь! Ещё железок твоих на нём не хватало!

Степан Петрович послушно складывал их снова в сумку, вытирал рукавом рубашки стол и мгновенно скрывался за входной дверью.

К весне работа над самолётом завершилась. «В мае проведём испытания», — сказал он другу.

Наступил долгожданный день. Степан Петрович торжественно снял чехол со своего творения. Выкрашенный в серебристый цвет, самолёт блестел на солнце, радуя хозяина и вызывая восторг у Валентины и Александра Михайловича. Вскоре его погрузили на прицеп машины и повезли в степь, за село. С ними в машину напросилась Валентина. После некоторых приготовлений самолёт запустили в небо. Он, громко жужжа, летел над степью. Вслед за ним, хлопая в ладоши и громко смеясь, бежал его создатель. Русые, с редкой проседью волосы на голове Степана беспорядочно развивались на ветру, рубашка на спине раздувалась пузырьком, и казалось, что он сейчас взлетит вслед за самолётом. Валентина улыбнулась. Ей вспомнилась молодость, бесшабашный Стёпка, готовый на всё ради неё. «Мальчишка!» — только успела подумать она, как увидела, что самолётик сначала накренился в сторону, а затем стал падать. Мужчины помчались на место его падения. Они, что-то долго обсуждали, сидя на четвереньках перед останками железной птицы. Собрали разлетевшиеся части и, вернувшись домой, поместили их в сарай.

Несколько дней Степан Петрович ходил смурной, а затем взялся что-то изучать в ноут-буке. На вопросы жены отвечал односложно, Валентина и не приставала, зная крутой характер мужа. Затем он снова стал пропадать в сарае. Супруг что-то мастерил, запретив ей строго-настрого заходить в его обитель. На обед он не являлся, питался овощами с огорода, а в дом заходил только к ужину. Муженёк долго мыл руки, спрятав хитрую улыбку в уголках рта.

Жизнь вошла в прежнее русло, и о неудавшемся полёте все стали забывать. Теперь Михалыч реже заглядывал в гости к дружку. Стоял жаркий июль, приходилось много работать в огороде, и хозяйские дела требовали мужских рук.

Как-то под вечер, когда он поливал деревья в саду, раздался звонок сотового телефона.

— Сань, — послышался голос Петровича. — Что делаешь?

— Поливаю.

— А жена где?

— В доме копошится.

— Тогда встречай гостинец.

Александр Михайлович пожал плечами, бросил шланг в глубокую лунку и собрался идти к калитке за гостинцем, как послышался звук, похожий на жужжание стаи пчёл. Он поднял голову и обомлел. Над ним зависла железная птичка, под крылом которой висел стакан, плотно накрытый крышкой. Снова зазвонил мобильник.

— Получил гостинец? Выпьём?!

— Ай, да Кулибин! Молодчина! Всё-таки, сделал птичку! Придумал же, птица выпить приносит, — Михалыч рассмеялся. — Кому сказать, не поверят.

— Ты стакан быстрее бери, пока твоей гримзы нет! Только аккуратно вынимай, он нам ещё пригодится, — предупредил Степан Петрович.

— Ну, что? За твою игрушку?! — улыбаясь и аккуратно вынимая тару, предложил Михалыч.

— Нет, выпьём за победу!

— Давай! За Победу!

Получив опорожнённую поклажу, птичка улетела. Теперь беспилотник стал частым гостем во дворе у Александра Михайловича. К удивлению супруги, теперь муженёк без её напоминания брался за любую работу во дворе. Желание — полежать на диване у него вовсе исчезло.

Неладное заметила Валентина — жена мастера-самоучки Степана Петровича. Её муж частенько стал ходить навеселе. «С кем же он пьёт? Вроде за калитку не выходит, всегда дома копошится, — размышляла она. — Неужто в одиночку пить стал?» Она решила за муженьком проследить. Когда он очередной раз отправился в сарай-мастерскую, она подошла поближе и спряталась за кустами смородины. Дверь отворилась и из неё, громко жужжа, вылетела железная птичка, под крылом которой висел стакан. «Ах, вот в чём дело! — Валентина рассмеялась. — Надо же такое придумать, стакан под брюхом самолётника». Она вошла в сарай вместе с вернувшимся беспилотником.

— За что пьёте-то? — еле сдерживая смех, спросила она.

— За победу, Валюша! За неё не грех выпить, — он радостно улыбался. — А я его, всё-таки, сделал!

Вскоре птичка перелетела в другие руки, поселилась в пожарной части и теперь следит за порядком на полях района. А стакан расположился на прежнее место в шкафу и оттуда поблескивает разноцветными гранями, напоминая хозяевам о летающей птичке и крепкой мужской дружбе.

Александр Крамер. ЧАШКА

1

Кто, почему и когда назвал ее Чашкой, наверно, теперь уже не узнает никто. Ну Чашка — и Чашка, и бог с ним. Чашка была обычной дворнягой, но невероятного рыжего цвета. Казалось, жаркое пламя примчалось к вашим ногам и улеглось беспокойным, веселым, живым костром. А еще была Чашка доброй, ласковой и... деликатной, если так можно, конечно, сказать о собаке. Деликатность эта особенно проявлялась в еде. Во-первых, Чашка, в отличие от своих сородичей, в жизни не выпрашивала подачку; и во-вторых, никогда не набрасывалась на еду тут же, как бы ни была голодна; возьмет аккуратно косточку, отнесет в укромное место, потом обязательно прибежит весело твякнуть «спасибо» и повилать жарким хвостиком в знак благодарности, а только потом уже окончательно отправляется есть.

Может, за огненный цвет, а может, за добрый нрав, прижилась она в гараже пожарной команды — на радость суровым мужчинам и всей детворе в округе.

2

Снег перестал идти утром. Тучи рассеялись, и вышло бледное солнце. Чашка лежала возле ворот гаража на искристом снегу, как огромный пушистый солнечный зайчик, и нежилась тихо на холодном утреннем солнышке. Добрая ее морда и гибкий огненный хвост выражали полное и всеобъемлющее довольство. Симпатичные улыбки, вспыхивающие при виде ее на лицах редких прохожих, говорили о том, что лежит она здесь не напрасно и утро проходит не зря. А еще, вот-вот должны были выйти на улицу дети — и тогда жизнь окончательно наполнится счастьем...

3

Уже второй день старую нищенку душил изнуряющий кашель. Он налетал приступами, сгибая ее пополам, и потом отпускал внезапно; и так целый день. Вчера из-за этого она не пошла к церкви Святого Павла, где всегда попрошайничала, а сегодня с утра не могла никак встать и теперь опоздала; ее постоянное место, почти возле самой паперти, где лучше всего подавали, уже оказалось занятым. Она попыталась было орать и скандалить в надежде место вернуть, и тогда темноглазый высокий и крепкий старик молча взял ее за плечо и вывел вон, за ограду.

Было холодно. Снег и солнце назойливо лезли в глаза. Нищенка шла, вся сгорбившись, тяжело опираясь на суковатую палку и чуть не по земле волоча грязную дерматиновую кошелку, в которой таскала все, что удавалось добыть. Временами ее снова и снова гнул в три погибели кашель, тогда она ставила палку перед собой, наваливалась на нее всей грудью и так перемогала приступ, а потом громко отхаркивалась и, сплевывая, шла дальше.

Когда рыжая веселая псина подбежала к нищенке, старуху разбил новый приступ. Она прочно оперлась на палку и зашлась вся в лающем, хриплом кашле, глубоко нагнув голову и сотрясаясь всем телом. Пока нищенка кашляла, Чашка сидела и внимательно смотрела старухе в лицо, задрав морду и поджав виновато хвост. Чашка была доброй собакой и, наверное, ей стало жалко грязную и больную старуху. Может быть, она хотела как-то выразить старухе свое участие; а может быть, даже хотела с ней поделиться своим сегодняшним чистым собачьим счастьем... Поэтому, когда старухин кашель утих, Чашка принялась весело прыгать вокруг нее и залиристо лаять, замечательно виляя хвостиком. Потом она стала носиться и дергать старухину сумку. Потом... Нищенка вдруг подняла свою палку и что было сил саданула ею Чашку по морде. Чашка взвизгнула и, не помня себя от боли, кинулась прочь, на дорогу. Казалось, на весь огромный квартал слышен был визг тормозов и жуткий, несмолкаемый вой изувеченного животного.

Нищенка в последний раз харкнула, утерлась ладонью и, ссутулясь, поплелась восвояси, равнодушная ко всему и ко всем, даже к себе самой.

4

Фаустов был мужиком настырным и принципиальным; жестким, но не жестоким, не злым, зла в нем не было вовсе, одни только жесткие принципы; но за это его не любили; и сам себя Фаустов временами тоже не очень-то жаловал, но поделаться с собой ничего так за сорок лет и не смог. Да и кто, и за что станет жаловать зануду и трезвенника, чуть не святошу? Женщины, что понапористей, быстро его спроваживали, куда подальше. Женщины попокладистей — сами соскакивали с подножки, почитая за лучшее поискать себе новых попутчиков. А мужчины — те просто старались загоя убраться куда-нибудь в сторону, чтоб не попасть ненароком в какую-нибудь передрагу: больной — он и есть больной, какой с него спрос, да ну его, от греха! Оттого он, как видно, все время и шел по дороге один.

Но Фаустов не обижался. Стерпелся, привык, приспособился... Иногда, правда, сильно болела душа, но стерпелся и с этим. Малыми радостями, словно большими, перемогался.

Уже несколько дней, как ныло что-то внутри, болело, нудило... В общем, было хреново. Больничный при этой болезни врачи не дают и рецепт не выписывают. И тогда вдруг пришла ему в голову мысль побывать в тех краях, где жила огнешерстная псина.

Однажды, год с лишком назад, когда его так же, как и сейчас, терзала тоска, и он целыми днями шатался по городу, не находя себе места, тогда в первый раз и набрел он на дворнягу по имени «Чашка», и в тот раз отпустило. Сразу почти что!

.Он и подумал, что, может быть, снова сможет подлечиться с помощью Чашки. Доброта, пускай и собачья, - ну чем не лекарство? Он был почти что уверен, что нашел-таки правильный путь к излечению, что недолго совсем и все снова будет «путем». А о том, что случилось зимой, он, конечно, не знал. Да откуда б мог знать!

И сегодня с утра, в воскресенье, Фаустов встал с единственной мыслью: «Наведаться к Чашке». На скорую руку позавтракал и стал собираться. Он, когда колбасу еще резал, начал вдруг внутренне улыбаться, скупое еще, неуверенно, но улыбаться, представляя, как увидит он Чашку и как будет потом кормить огнецветную добрую псину. А когда закрывал ключом дверь, был убежден совершенно, что все будет отлично, на пять, а, может быть, и на пять с плюсом.

5

Весна была поздней и робкой. Снег сходил медленно и неохотно. Весь апрель было сыро и холодно, и лишь к концу мая стало жарко и сухо. И Фаустов тоже согрелся под утренним солнцем и, предвкушая скорую встречу, теперь улыбался по-настоящему. Пусть несмело пока еще, но уже по-настоящему!

Он увидел ее еще издали. Этот цвет ни с чем в мире нельзя было спутать! Ну конечно же, Чашка! Но она как-то странно, как-то не так лежала у ручейка, вытекавшего из ворот пожарки, положив грустно голову на передние лапы и, казалось, спала. Фаустов подошел совсем близко, присел на корточки и тихо позвал: «Чашка, Чашка.» Собака неспешно подняла к нему равно-

душную грустную морду, как будто ждала, когда он отстанет и пойдет себе дальше. Но Фаустов слишком сильно хотел этой встречи, слишком много ждал от нее и был не намерен сдаваться. Он порылся в кармане куртки, достал колбасу, выложил ее всю на асфальт, взял кусок и стал настойчиво тыкать им Чашке под нос, приговаривая при этом: «Ешь, Чашка, ешь, ну чего ты морду воротишь. Смотри, колбаса какая. Свежая, то что надо». Продолжалось это недолго. Одним гибким движением Чашка вдруг поднялась на передние лапы и, как циркачка, неспеша пошла к гаражу, и задние лапы ее бессильно болтались вдоль тела. А куски колбасы так и остались нетронутыми лежать на асфальте.

Кровь вдруг бешено ударила Фаустову в голову, он стал жарко-пунцовым; казалось, его сейчас хватит удар. Но он сумел быстро взять себя в руки, чуть не бегом догнал уходящую Чашку, поднял ее на руки, прижал крепко-крепко к груди, и от жуткой, внезапной взвинченности напрочь забыв про транспорт, понесся домой. Чтоб разжечь в доме жаркий огонь. Чтобы в доме было тепло.

Александр Крамер. ЛОШАДИ

Третий день идет дождь. Не переставая. Я лежу один в комнате и вспоминаю о прошлом. О прошлом...

В нем столько же прелести, сколько в старом навозе. А впрочем, были ж когда-то священные жуки -скарабеи, чьим уделом был только навоз... Нет, увольте, на святость я вовсе не претендую... Обойдусь и без святости. Душу она не излечит.

Дождь. Он сводит с ума. Он держит меня взаперти. Не хватает только решеток и надзирателей.

Надзиратели в отпуске. Они бродят где-то по мокрому городу вместе со всеми и веселятся, должно быть, оттого, что никто надзирателей в них заподозрить не может. Или тоскуют от этого... Кто его знает?

Я сижу взаперти. Нет, конечно, никто мне не запрещает выйти в липкую слякоть, в серые лягушачьи сумерки, в шуршащее дождевое безмолвие... Вскоре станет мокрой одежда, прилипнет к телу, как чье-то чужое, противное тело, как множество чьих-то чужих отвратительных тел... Ах, зонтик! А зонтик — это не честно. Не естественно. И, значит, вульгарно. Не хватало еще, что б я чувствовал себя пошляком.

Дождь. За окном, через дорогу, во дворе больницы для умалишенных, бродят мокрые лошади. Желтая и две черных. Буланая и две вороных. Они бродят по кругу в своей загородке, и им, почему-то, весело. Они играют друг с другом, хотя они тоже в неволе. Хотя они заперты!

Все! Надоело! Раздеваюсь и иду в загородку! Я вымокну под дождем, стану мокрым, как лошадь. Я встану на четвереньки и буду с ними играть, ходить с ними вместе по кругу. Может быть, они меня примут за пони, за странного белого пони, и станут со мною дружить...

Дождь. Не надо грустить. Еще можно стать лошадью и выйти под дождь — без телесной боязни и без смуты душевной, и быть хоть немного счастливым в своей загородке.

Дмитрий Замышляев. ХОЛОДИЛЬНИК

Всё начиналось, как в голливудских фильмах. Я во всем обвиняю кино. Порой мне кажется, что мы сами создаём свою реальность бесконечными фантастическими произведениями, нелепыми прогнозами, дешёвыми сценариями. Наше творчество напоминает соревнование оракулов. И когда из десяти тысяч предсказаний одно, пусть наполовину, сбывается, мы получаем своего пророка, чему несказанно радуемся. И никогда не вспоминаем то, что не сбылось.

Но я отвлёкся.

Да, всё началось, как в кино, до банальности просто, словно повторный просмотр старого фильма, как сюжет затёртой до дыр книги в мягкой обложке с рассказами о пришельцах.

Меня зовут Сид Мейер, и нет, я не создатель игры «Цивилизация», я только его полный тезка. Справедливости ради, в Америке живут десятки, а то и сотни Сидов Мейеров, и большинство из них ничем не прославилось.

Впрочем, я, в отличие от них, был медийной личностью. Ну хорошо, немного преувеличил: был известен в узких кругах. Я журналист. Да-да, и здесь мы не отклоняемся от классических кинематографических штампов. Вы можете предположить, что я занимался сенсационными расследованиями, и у меня была подруга — сногшибательная блондинка, но тут вас ждёт разочарование. Мне тридцать девять лет, я одинок и работаю в Рочестере, в местной газете «Кроникл», занимаюсь всем, что подвернётся под руку: происшествия, открытие пиццерии, съезд садоводов и тому подобное.

Когда всё началось, я был таким же зрителем в партере, как и вы. Так же запасся попкорном и смотрел, а посмотреть было на что.

В феврале 20.. года к планете Земля подлетел космический корабль пришельцев. Вот так и было объявлено по всем телеканалам. Никто ничего не скрывал, не было правительственных заговоров и похищенных астрономов, желающих донести до общества правду. Так и сказали в восьмичасовых новостях: космический корабль. И поскольку технологии наблюдения, видео- и фотосъёмки были немного лучше, чем в эпоху сказок о Зоне 51, никому не досталось славы открытия или первой фотографии небесного тела. Его увидели и засняли все, от Китая до Чили. Никакого светящегося шара, облака плазмы и прочих неопределённостей про НЛО, просто корабль из металла.

Вы спросите: с чего мы взяли, что это корабль пришельцев? Ну, ни Штаты, ни Россия с Китаем не делали такой экзотики. По крайней мере, до сих пор.

Это был огромный, раза в три превышающий размеры МКС прямоугольный брусок, нечто среднее между сейфом и лифтом. Гладкий, блестящий, но какой-то неловкий. Было ощущение, что он вот-вот не удержится и свалится прямо нам на головы. Он застыл на орбите, а главы государств в прямом эфире один за другим выступали перед своими народами, и суть их речей сводилась к оправданию школьника, разбившего окно: «Это не я!» Да, каждый утверждал, что это не его космический аппарат, и, глядя на их растерянные лица, мир им поверил. И в действительности этот вытянутый металлический ящик не был похож ни на «Шаттл», ни на «Союз», ни на «Спейс Икс».

К 10.00 по североамериканскому восточному времени сильные мира сего закончили оправдываться и, надев на себя мужественные лица, а некоторые и военные мундиры, стали запугивать... простите, призывать к спокойствию и без того спокойное население.

По всему миру народ сидел по барам, домам, офисам, поглощал гамбургеры и прочую снедь, заедая стресс, и запивал её напитками, постепенно под влиянием речей правительства склоняясь к алкогольным. Естественно, никто не работал. Ну а какой смысл? Все же читали

Уэллса или смотрели «День независимости». И я, положив ноги на стол, вместе с десятком коллег в редакции «Рочестер Кроникл» так же глупо уставился в телевизор.

— Это холодильник, — медленно сказал Берни у меня за спиной.

Берни был лучшим представителем нашего коллектива: не писал статей, не редактировал их, не давал вам заданий, не задерживал вам зарплату. Он уже пять лет работал у нас доставщиком газет. Да, остались ещё люди, читающие то, что мы пишем, да ещё и в бумажном варианте. Ездил Берни на старом синем велосипеде с флажком «Рочестер Кроникл». У Берни не было никакого образования, ему было двадцать шесть лет, и он считался слабоумным, в чём я лично сомневался. Если нам что-то было нужно, Берни всегда готов был принести, отнести, передать, забрать, но никогда ничего он не делал просто так. Нет, не подумайте, он ничего не просил. Взгляд его чистых, незамутнённых лишними знаниями глаз заставлял любого сотрудника залезть в свой карман и поделиться с ним одним-двумя долларами. Даже наш страшный главный редактор мистер Мур, редкостный скряга, не выдерживал этого взгляда и выворачивал карманы, если Берни приносил ему воду или колу из магазина, когда автомат в редакции не работал. Не работал автомат часто, и порой мне казалось, что именно наш незаменимый сотрудник и способствовал этому, но доказательств у меня не было.

Так или иначе, со свойственной ему прямоотой Берни объявил космический корабль холодильником. Мы нервно засмеялись, а мистер Мур автоматически сунул ему доллар, совершенно забыв, зачем. Берни посмотрел на него, ожидая поручения, а не дождавшись, спокойно убрал доллар в карман и продолжил наблюдать за происходящим на экране.

А там наступило время экспертов. Когда облечённые властью люди не понимают, что им делать, они призывают на помощь именно экспертов. По всем каналам во всех странах студии заполнились учеными, лжеучёными, уфологами, отставными военными, лже-военными (впрочем, какая разница), политиками, журналистами. Эксперты спорили, соглашались, ругались, ведущие тщетно призывали их к порядку. Каждые двадцать минут на время выпуска новостей они замирали, а затем обрушивали свой словесный поток с новой силой. Призывы ударить по пришельцам атомным оружием, перемешивающиеся с молитвами в честь второго пришествия, технические характеристики звездолёта (откуда?) с рисунками, изображающими строение обитателей корабля, и самое главное — споры об их намерениях. Тут мы снова были заложниками киноиндустрии: половина считала, что нас уничтожат, другая половина полагала, что инопланетяне за что-то (Господи, за что?) осчастливят планету, решив все её проблемы — от экологии до бессмертия. Сторонники теории добра были наиболее агрессивны и ругали хмурых скептиков отборными, иногда ненормативными ругательствами.

В целом было очень интересно, но примерно к 14.00 зрители по всей Земле стали уставать. Ничто так не утомляет, как дискуссии образованных людей. К счастью, корабль в 14.20 стал снижаться, и эксперты поспешно ретировались. Наступило время военных — твёрдых личностей, принимающих решения. И тут люди впервые испугались по-настоящему. О, эти мужественные лица, не знающие страха, красивая форма с наградными (за что?) планками, суровый тон и готовность действовать. Военные докладывали о готовности, сообщали о сближении, что-то разворачивали, говорили о полном контроле (как же это пугало!) и просили нас (всех) без необходимости никуда не выходить и не выезжать. В общем, скопиться поплотнее и ждать.

— Сид, тебе принести ещё пива? — спокойно спросил Берни, разряжая обстановку.

— Да, неси всю упаковку, — ответил я машинально.

— Берни, у меня бренди в ящике, принеси, будь добр, — произнёс главный редактор, глядя,

как на экране четырёхзвёздный генерал с точёным профилем докладывал о приведении стратегических ракетных сил в боевую готовность.

В редакции крепкие напитки оказались не только у нашего злобного шефа. После слов «Боже, храни Америку!» на столе оказались две начатые бутылки виски, несколько подарочных миниатюр с водкой и большая полуторалитровая ёмкость с коньяком в виде Эйфелевой башни — подарок, поднесённый каким-то спонсором лет десять назад.

Объявили об обращении президента. Берни стремительно разливал коньяк в пластиковые стаканы. Кадры из Британии, России, Индии, Германии свидетельствовали о том, что население Земли проявило трогательное единение в эти минуты (конечно, пили не все, но многие).

На экране появился президент. Он не был похож на Билла Пуллмана или Майкла Дугласа — попросту говоря, был несколько старше и глупее. Он внимательно уставился на нас (или в телесуфлёр) и сказал, что объект вошёл в атмосферу Земли и, судя по его траектории, приземлится в Северном полушарии. При этом выражение его лица как бы говорило: «Ну, а что я мог сделать?» Мы выпили.

Далее президент любезно проинформировал нас, что скорость снижения космического корабля позволяет говорить о возможном приземлении на территории, близкой к США (мы выпили снова и задумались, где это), и нельзя исключать, что это, собственно, и будет территория США.

Я успел заметить, что «Эйфелева башня» опустела. После дежурных слов о единении и мужестве президент передал слово Хьюстону. НАСА в прямом эфире показывало посадку объекта. Громадный металлический шкаф беззвучно поплыл над Сибирью, и главный редактор пожелал, чтобы он там и грохнулся.

Пожелание не сбылось. Корабль опускался, пролетая над севером России, затем пересёк Скандинавский полуостров, снизился до сорока километров и полетел над Атлантикой в нашу сторону. Пить было больше нечего. Воцарилось молчание, которое нарушил Берни:

— А что это за белое пятно? — спросил он, ткнув в карту НАСА на экране. Ему никто не ответил.

— Сид, что это? — он обратился ко мне.

— Это Гренландия, Берни.

— А почему она белая, Сид?

— Это лёд, Берни, она покрыта слоем толстого льда, — сказал я и опрокинул четвёртую банку пива.

— Так он там и сидит.

— Почему?

— Где лёд, там и холодильник, — спокойно ответил Берни, — куда же ему ещё садиться.

Мы были в лёгком шоке от такой теории, но, в конце концов, она была не хуже других.

Наш доставщик спокойно собрал пустые бутылки, коробки из-под пиццы и вышел из комнаты с видом человека, для которого всё самое интересное на этом кончилось.

То ли Берни был пришельцем, то ли они его услышали, но звездолёт, слегка изменив скорость и курс, начал движение к Гренландии. Он явно садился, он без всякого сомнения опускался в самом центре этого Богом забытого места.

Главный редактор, громко икнув, заорал:

— Си-и-ид!

— Да, сэр!

— Статью в вечерний номер: «Холодильник приземляется в Гренландии». Быстро!

— Ли-и-инда!

Линда — это наш художник.

— Я здесь, сэр, — раздался голос из-под стола.

— Картинку к статье Сида в виде карикатуры: приземлившийся холодильник во льдах... Посмешнее.

— Сэр, Вы выпили, — начал было я.

— Молчать, — рявкнул мистер Мур, — через час отдать всё в набор на первую полосу, иначе вы все тут у меня не доживёте до вторжения. Хочу статью про холодильник! У вас — час!

Идиотский смех подсказывал, что главный редактор пьян, как... Ну, понятно, кто. Воображение быстро нарисовало мне передовицы «Рочестер Кроникл» с заголовком про холодильник и карикатурой Линды, которая уже глотала кофе, пытаясь прийти в себя. Ну что же, мне — конец как серьёзному журналисту. С другой стороны, это весёлый, красивый конец. Да и наш пьяный мистер Мур, протрезвев, «порадуется» и получит свою долю «славы» от спонсоров.

Я принялся за работу.

Тем временем...

К 18.00 космический гость, совершивший посадку, гордо стоял чуть западнее земли королевы Луизы. Так, по крайней мере, сообщил замёрзший репортёр CNN. Я не понял, что значит «чуть» в масштабах Гренландии, но не стал углубляться в проблему.

К 18.30 я принёс свой ужасный фельетон, а Линда — не менее ужасный рисунок, напугавший меня больше небоскрёб из пивных банок во льдах; но мистер Мур был доволен. Минут пять он смеялся, а потом подписал номер в печать. Я молился, чтобы типография не работала, но «Рочестер Кроникл» — это вечный двигатель, ничто не могло его остановить, и газета вышла вовремя.

Мысленно простившись с профессией, я вернулся к телевизору.

События разворачивались стремительно. Глава объединённого комитета начальников штабов с глазами и выражением лица Дольфа Лундгрена из фильма «Универсальный солдат» любезно сообщал народу США успокаивающие новости.

К берегам Гренландии стягиваются ударные авианосные соединения. Объявлена мобилизация резервистов. На побережье идёт высадка канадских и американских морских пехотинцев. Мир объединился в своём стремлении сохранять спокойствие, и главы практически всех ядерных держав объявили о том, что все стратегические ракеты нацелены на Гренландию.

Я порадовался за защищённость белых медведей и моржей, напуганных не столько посадкой корабля, сколько непрерывными полётами реактивных самолётов над островом. Сообщали о стычке морской пехоты с неизвестным противником — собственно, оказалось, что несколько человек попали в охотничьи ловушки эскимосов, но обошлось без жертв. Ночью разведывательный катер напоролся на кита и перевернулся. Вертолет «Апач» столкнулся с чайками севернее космического корабля и был повреждён при вынужденной посадке. К утру при посадке на авианосец «Нимиц» из-за обледенения в воду соскользнул один самолет F-15; пилота спасли. При выполнении разведывательных полетов из-за сильного ветра пропало два беспилотника. Военные докладывали о потерях техники гордо, подчёркивая всю сложность операции (какой?).

Громадный трёхсотметровый шкаф не отвечал на действия условного противника. В три часа ночи я уснул, с удовлетворением отметив, что Берни обновил запас пива в редакции. Никто и не думал уходить домой.

Утром я проснулся от дикого крика мистера Мура. «Ну вот, — подумал я, — старый болван протрезвел и прочитал мою статью, сейчас начнётся...» Я осторожно открыл один глаз: наш главный редактор галопом приближался ко мне. «Всё, отработался, в Рочестере мне идти некуда. Может, махнуть в другой штат?»

Мистер Мур подлетел ко мне и заключил в объятия, затем кинулся к ошоловевшей от сна Линде и принялся целовать её; третьим в его объятия попал Берни, держащий в руках пачку газет. Наш скряга на ходу вытащил стодолларовую купюру, сунул её в карман Берни и снова издал торжествующий вопль. Все дремавшие сотрудники окончательно проснулись и переглядывались.

Наконец мистер Мур остановился и, указав пальцем куда-то в сторону своего кабинета, сообщил:

— Сид, мы — в топе! Первый раз в жизни нашу статью перепечатали в «Нью-Йорк Таймс», «Чикаго Трибюн», она — в «Бостон Глоб», лондонском «Таймс», проклятом «Уолл-Стрит Журнал»! Мы — везде, от CNN до «Аль-Джазире».

— Всем открыть новости! — проорал он. — Пролистайте сайты крупнейших изданий и телекомпаний!

Это была правда! На фоне серьёзных, прощальных, воинственных, аналитических статей и интервью, хронологий и полувоенных сводок, холодильник Берни зашел на ура. Картинка Линды мелькала на порталах всех новостных агентств и изданий, наш же сайт «покраснел» от перегрузки. Бумажная версия также разошлась прекрасно. Берни не успевал развозить издание, и Мур отрядил ему в помощь двух своих ассистентов.

Под статьей стояло моё имя — Сид Мейер. «Сид Мейер и «Цивилизация», — мелькнуло у меня в голове. Наше юмористическое описание общемирового кризиса попало в точку. Весь мир называл звездолёт холодильником. Множились шутки и карикатуры с кока-колой и пивом.

По сути, моя статья, написанная в лёгком опьянении, представляла собой то, что вы прочли выше, включая рассказ о Берни и тупости экспертов, насмешки над военными и даже (я не помнил этого) описание распития коньяка из «Эйфелевой башни».

Ссылки на «Рочестер Кроникл» были повсюду...

— Сид, Линда, Берни, — торжественно сказал мистер Мур, — если только этот железный ящик из Гренландии не распылит нас на атомы, вы все получите повышение и премию, торжественно обещаю при всех. У меня есть приятель-конгрессмен, он только что звонил и рассказал, что «холодильник» зазвучал уже в кулуарах Белого дома и Сената.

Никогда я не видел мистера Мура таким счастливым, даже после его второго развода.

Что ж, иногда четвёртая власть влияет на первую.

«Было бы обидно, если бы дальше все пошло, как в «Дне независимости», — подумал я.

В 09.30 корабль начал открывать люки (или двери) в нижней части. Возобновилась прямая трансляция. Все, кроме Берни, прильнули к экранам. Да, мы немного рассмешили людей, но что будет дальше?

Из показавшихся проемов на белоснежную поверхность Гренландии ринулись сотни по виду бронированных металлических машин, и с каждой минутой их становилось все больше. Улыбка медленно сползала с лица главного редактора. Бронетехника не укладывалась в концепцию нашего юмора.

Репортер CNN старался придать своему голосу побольше отчаяния, но его мало кто слушал. Мы смотрели во все глаза.

Машины инопланетян принялись что-то методично пилить, долбить, резать и сооружать.

— Они строят укрепления и готовятся к нападению, — решительно заявил уже знакомый нам четырёхзвёздный генерал, комментируя происходящее.

— Заткнись, — буркнул мистер Мур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.